Стелла Гиббонс
Неуютная ферма

Англия: серьезно, но не очень

Стелла Гиббонс

Неуютная ферма

«АСТ»

1932

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Гиббонс С.

Неуютная ферма / С. Гиббонс — «АСТ», 1932 — (Англия: серьезно, но не очень)

ISBN 978-5-17-085269-7

Классика английской литературы XX века.Изысканная, элегантная и бесконечно ироничная пародия на «провинциальный» британский роман, читая которую можно провести немало забавных параллелей с произведениями Эмили Бронте, Томаса Харди и прочих великих прозаиков XIX – начала XX вв.Религиозные снобы и раздираемые тайными страстями юные (и не очень) девицы…Деревенские ловеласы и эксцентричные кумушки…Потрясающая коллекция колоритных и нелепых персонажей, немыслимых ситуаций и невероятных диалогов, которая не оставит равнодушным ни одного истинного ценителя английского юмора!..

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-085269-7

© Гиббонс С., 1932
© АСТ, 1932

Содержание

Предисловие 6
Глава 1 8
Глава 2 14
Глава 3 21
Глава 4 27
Глава 5 31
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Стелла Гиббонс
Неуютная ферма

Посвящается Аллану и Ине

Примечание: действие книги разворачивается в недалеком будущем

Stella Gibbons
COLD COMFORT FARM
Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London.
Печатается с разрешения издательства Penguin Books Ltd. и литературного агентства Andrew Nurnberg.
© Stella Gibbons, 1932
Школа перевода В. Баканова, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Предисловие

Антони Пукворти, эсквайру, П.Л., Д.П.[1]

Дорогой Тони!

Представляя на ваш суд мой первый ученический опыт в прекраснейшем, труднейшем и самом волшебном из искусств, я трепещу даже больше, чем обычный новичок пред лицом маститого собрата. Вам, как никому, ведомы чистые радости и суровые тяготы писательского ремесла. И все же я возьму на себя смелость объяснить, как тяжело дались мне первые шаги на сем славном поприще.

Как вам известно, первые десять лет моей творческой жизни прошли в бессмысленной и пошлой суете газетных редакций. Один бог ведает, какой отпечаток оставила на мне профессия журналиста. Я не смею слишком много об этом размышлять – даже сейчас. Кое о чем – например, о первой любви и собственных литературно-критических обзорах – женщине в зрелые лета лучше не вспоминать в подробностях.

На моем слоге (если мне дозволено говорить о своем слоге в присутствии литератора, чья вдумчивая, кристально ясная проза навсегда обогатила нашу словесность) эти голодные годы сказались еще более пагубно.

Жизнь газетчика бедна, груба, убога и коротка. Таков же и его слог. Вы, с любовным тщанием шлифующий каждую свою вдумчивую и незамутненно-чистую фразу, поймете масштабность вставшей передо мной задачи. Десять лет я стремилась излагать в точности то, что хочу, просто и лаконично. Теперь, чтобы достичь литературности и снискать благосклонности критиков, мне следовало писать так, будто я сама толком не знаю, что хочу сказать, и при этом делать фразы как можно более длинными.

Не стану утверждать, будто сумела воплотить на этих страницах то, что десять лет назад впервые сверкнуло передо мной во всей своей лучезарной ясности. Какое уж там! И все же книга завершена. Ecco! E finito![2] *И, какая ни на есть, она ваша.*

Дело в том, Тони, что за мною есть долг. В последние десять лет ваши книги были для меня не просто книгами. Они служили источником отдохновения, пищей для души, очами во тьме. Они дарили мне радость средь пошлой и бессмысленной суеты газетных редакций – быть может, не совсем ту, на какую вы рассчитывали, но людям свойственно заблуждаться. Так или иначе, это была радость.

Сознаюсь, что лишь после долгих колебаний я решила вернуть хотя бы часть моего долга, отправив вам книгу, которая задумывалась как… смешная.

Ибо ваши книги… не смешные. Это хроники напряженной душевной борьбы в обстановке льдов, болот и непроходимых топей. Ваши герои – вневременные стихийные сущности, которых, как щепки, носит по волнам страсти. Вы рисуете природу в самых диких ее проявлениях, будь то пейзаж или человеческое сердце. Лишь изредка суровую правдивость ваших творений озаряют спокойный свет добытого в борьбе счастья и мягкий юмор, с которым выписаны персонажи второго плана. Вы умеете изобразить будничные домашние трагедии (ведь все первые сто страниц «Непростой судьбы Мартина Хора» мастерски живописуют симптомы разлития желчи) не менее ярко, чем душевные катаклизмы. Сумею ли я забыть Матти

---

[1] Антони Пукворти – вымышленный писатель; аббревиатуры после его фамилии означают «Патентованный лизоблюд» и «Дипломированный проныра». Под именем Антони Пукворти Стелла Гиббонс вывела Хью Уолпола (1844–1941), чрезвычайно плодовитого и очень популярного в свое время писателя. Само письмо пародирует такое же письмо-предисловие к роману Уолпола «Джудит Пэрис»; оно было адресовано Дж. Б. Пристли и начиналось словами «Дорогой Джек!». За «Непростой судьбой Мартина Хора» современники легко угадывали «Мерзавца Херриса» – самый знаменитый из романов Уолпола. – *Здесь и далее примеч. пер.*

[2] Вот, закончено (*ит.*).

Элджинброда? Нет, не сумею. Ваши книги – не книги, а грозы и ураганы. Я могу лишь сказать со всей простотой: «Спасибо, Тони».

Однако смешными… нет, смешными их не назовешь.

Тем не менее я надеюсь, что вы в своем великодушии простите моей книге ее несовершенства.

Помышляя о благе множества читателей, которые, подобно мне, трудятся в бессмысленной и пошлой суете газетных редакций, магазинов или домов, а глядя на фразу, не всегда могут сказать, литература это или просто чушь, я прибегла к методу покойного герра Бедекера, а именно: отметила лучшие, на мой взгляд, пассажи одной, двумя или тремя звездочками, как сей достойный господин отмечал гостиницы, соборы и живописные полотна гениев. Вполне логично распространить этот метод и на книгу.

Кроме того, звездочки станут подспорьем для литературных обозревателей.

К слову о гениях: какое созвездие их озаряет нашу сегодняшнюю жизнь! Даже смиренная ученица вроде меня, проведшая лучшие творческие годы в пошлой и бессмысленной суете газетных редакций, может с сердечным восторгом и глубочайшим душевным жаром подписаться:

ваша вечная должница,

Стелла Гиббонс

Уотфорд
Чайная «Лайонс»
Булонь-сюр-Мер
Январь 1931 – февраль 1932 года

Глава 1

Образование, которое дали Флоре Пост ее родители, было дорогостоящим и направленным на развитие не только умственное, но и телесное, а его процесс был длительным. Когда же они скончались один за другим от сезонной эпидемии инфлюэнцы, Флора, без малого двадцати лет от роду, обнаружила, что подкована во всех мыслимых искусствах, кроме искусства самой зарабатывать себе на хлеб.

Отец ее слыл богачом, однако по его смерти душеприказчики обнаружили, что покойник был беден. После уплаты подоходного налога и долгов остались сто фунтов годового дохода и никакого имущества, движимого или недвижимого.

Впрочем, от отца Флора унаследовала сильную волю, а от матери – стройные ножки. Воля эта ничуть не ослабела от того, что почти не встречала преград, а ножки не стали хуже от спортивных игр, из которых в значительной мере состояло ее образование. Впрочем, Флора понимала, что ни тем ни другим не прокормишься. Посему она решила остановиться у подруги, миссис Смайли, в ее ламбетском доме, а там уж подумать, кого осчастливить собой и своими ста фунтами годовых.

Смерть родителей не слишком опечалила Флору, ведь она их почти не знала. Они были одержимы страстью к путешествиям и в Англии проводили не больше месяца в год. С десяти лет Флора на каникулах гостила сперва у матери своей подруги, а когда подруга вышла замуж и стала называться миссис Смайли, то уже у нее самой. Вступая хмурым февральским вечером, через две недели после отцовских похорон, под своды ламбетского особняка, она чувствовала, что возвращается в родное гнездо.

Миссис Смайли чрезвычайно повезло: она унаследовала недвижимость в Ламбете[3] до того, как цены здесь взлетели до небес. Это случилось, когда Мейфэр утратил репутацию фешенебельного столичного района и лондонский бомонд перебрался на другую сторону реки; теперь по тамошним набережным прогуливались аргентинки со своими бультерьерами. Покойный муж миссис Смайли (она была вдова) владел тремя домами в Ламбете и все их завещал ей. Самый красивый из трех стоял на Маус-Плейс и смотрел веерным окном на переменчивую Темзу; в нем миссис Смайли и жила. Второй дом снесли, и на его месте воздвигли гараж; в третьем, маленьком и ни на что другое не годном, размещался теперь клуб «Старая дипломатия».

Выйдя из такси перед домом номер один по Маус-Плейс, Флора взглянула на чугунные балконы, украшенные горшками с белыми фарфоровыми геранями, и сердце ее радостно встрепенулось.

Снеллер, дворецкий миссис Смайли, уже распахнул дверь и теперь с мрачным одобрением смотрел на гостью. Он чрезвычайно походил на черепаху. Флора порадовалась, что подруга не держит черепах – те бы думали, что дворецкий их передразнивает.

Миссис Смайли ждала ее в гостиной, из окон которой открывался вид на реку. Это была миниатюрная ирландка двадцати шести лет от роду, светлокожая, с большими серыми глазами и маленьким носом с горбинкой. В жизни у нее было два интереса. Первый: урезонивать и успокаивать полтора десятка благородных и состоятельных джентльменов, от неразделенной любви к ней бежавших в далекие края вроде Джонсон-Ла-Лейк-Млумба-Млумбы или Квакванхаттуна. Миссис Смайли писала им раз в неделю, а они регулярно писали в ответ, о чем знали все ее друзья и знакомые, поскольку она всякий раз зачитывала им вслух особо длинные и нудные пассажи.

---

[3] Ламбет – район на южном берегу Темзы; во времена Стеллы Гиббонс там были рабочие трущобы. Впрочем, ее шутливое пророчество не оправдалось: в начале XXI в. Мейфэр – по-прежнему шикарный район, а Ламбет – очень бедный и неблагополучный.

Джентльмены эти, несущие тяжелую службу в отдаленных и диких частях мира, звались «пионеры, о пионеры» по вдохновенным строкам Уолта Уитмена.

Вторым интересом миссис Смайли была ее коллекция бюстгальтеров – по слухам, самая богатая в мире. Надеялись, что по смерти хозяйки это собрание будет передано государству. Оно постоянно пополнялось, ибо миссис Смайли не оставляла надежды отыскать идеальный бюстгальтер.

Никто лучше ее не разбирался в покрое, цвете, конструкции, прилегании и прочих существенных качествах бюстгальтера. Подруги знали, что даже в минуты глубочайшего душевного смятения или телесного недуга ее можно было вернуть к жизни одной фразой: «Мэри, я сегодня видела бюстгальтер, на который тебе стоит взглянуть…»

Характер у миссис Смайли был твердый, вкусы – утонченные. С заблудшей человеческой природой, когда та покушалась на ее жизненный уклад, молодая вдова действовала просто и решительно: притворялась, будто неприятного явления не существует, и оно через какое-то время и впрямь исчезало. «Христианская наука»[4] пусть и насчитывает больше приверженцев, редко бывает столь же успешна.

«*Разумеется*, если *позволить* людям думать, что они гадки, они *будут* гадки», – часто повторяла миссис Смайли. Вторым ее любимым изречением было: «*Чепуха*, Флора, ты это все *навоображала*».

Впрочем, надо сказать, миссис Смайли и сама была не лишена воображения.

– Здравствуй, дорогая, – сказала она, и Флора, которая отличалась высоким ростом, нагнулась и поцеловала ее в щеку. – Ты будешь чай или коктейль?

Флора ответила, что выпьет чаю, сняла перчатки, повесила плащ на спинку стула, затем взяла чашку с чаем и коричную вафлю.

– Похороны были ужасны? – полюбопытствовала миссис Смайли. Она знала, что Флора не убивается по мистеру Посту, дородному господину, который серьезно относился к играм и презрительно – к искусствам, и миссис Пост, желавшей, чтобы все жили красиво и при этом оставались леди и джентльменами.

Флора ответила, что похороны были кошмарны, но честно добавила, что пожилые родственники замечательно провели время и остались очень довольны.

– Они звали тебя у них пожить? Родственники вечно всех зазывают к себе, – промолвила миссис Смайли.

– Нет. Не забывай, Мэри, у меня теперь всего лишь сто фунтов годового дохода, и я не умею играть в бридж.

– Бридж? Что это? – рассеянно спросила миссис Смайли. – Удивительно, как некоторые люди проводят свой досуг. Тебе очень повезло, дорогая, преодолеть ужасные годы в школе и колледже, где тебя заставляли играть в такие игры, и не пристраститься к ним самой. Как тебе это удалось?

Флора задумалась.

– Ну… поначалу я стояла неподвижно, смотрела на деревья и ни о чем не думала. Бо2льшая часть игр проходит на открытом воздухе, так что обычно рядом бывают деревья. Даже зимой. Однако другие игроки постоянно на меня налетали, так что я стала бегать вместе с ними. Я всегда бежала за мячом, потому что, Мэри, в любой игре главное – мяч. Только это никому не нравилось, потому что мне никогда не удавалось его догнать и отбить или что там полагалось с ним сделать. Тогда я стала бегать от мяча, и это тоже никого не устраивало: зрители гадали, что я делаю на краю поля и отчего при виде мяча сразу бросаюсь наутек. После

[4] «Христианская наука» – псевдорелигиозное движение, основанное на идеологии врачевания через «духовное воздействие». Болезни и пороки по учению «Христианской науки» не более чем чувственная иллюзия, от которой человек может избавиться духовными усилиями.

очередной игры все окружили меня и сказали, что я подвожу команду, а учительница физкультуры спросила огорченно, неужели мне не нравится лакросс[5] (так называлась игра). Я ответила, что совсем не нравится, а она сказала: «Жаль-жаль, ведь для твоего отца это так важно. А что тебе нравится?» Я ответила, что точно не знаю, а вообще мне нравится, когда вокруг все тихо и спокойно и не надо ничего делать, а можно гулять на природе и смеяться над тем, что другим вовсе не кажется смешным, и чтобы меня не заставляли высказывать свое мнение (например, о любви и всяких *особенных* вещах). Тогда она спросила, не могу ли я чуточку постараться ради отца, а я ответила, что нет, к сожалению, не могу, и она оставила меня в покое. А другие по-прежнему ворчали, что я подвожу команду.

Миссис Смайли одобрительно кивнула, но попеняла Флоре, что та слишком много говорит. Потом добавила:

– Теперь насчет того, чтобы у кого-нибудь жить. Разумеется, дорогая, ты можешь гостить здесь сколько угодно, но, наверное, со временем ты захочешь устроиться на работу и снять квартиру?

– На какую работу? – спросила Флора, сидя в кресле очень прямо и грациозно.

– На административную, полагаю, как я в свое время. – (Миссис Смайли работала на мелкой должности в лондонском муниципалитете, пока не вышла за «Алмазного» Тода Смайли, рэкетира.) – Не спрашивай меня, что это такое, столько лет прошло, что я все забыла. Но я уверена, у тебя получится. А можешь заняться журналистикой. Или стать машинисткой. Или машинистом.

Флора мотнула головой.

– Боюсь, Мэри, ничего из этого у меня не получится.

– А что же тогда, дорогая? Возьми себя в руки, Флора. Ты прекрасно знаешь, что будешь *несчастна*, если единственная из всех подруг останешься без работы. К тому же ста фунтов в год тебе не хватит даже на чулки и веера. На что ты рассчитываешь?

– На родственников, – ответила Флора.

Миссис Смайли взглянула на нее укоризненно, ибо, несмотря на свои утонченные вкусы, была женщиной волевой и держалась строгих моральных принципов.

– Да, Мэри, – твердо ответила Флора. – Мне всего девятнадцать, но я уже убедилась, что, несмотря на еще не изжитые предрассудки, запрещающие сидеть на шее у подруг, ни общественное мнение, ни совесть не возбраняют человеку сколь угодно долго злоупотреблять любезностью родственников. У меня ужасно много родственников, и если бы ты их видела, то согласилась бы, что слово «ужасно» тут самое правильное. Есть отцовский кузен-холостяк в Шотландии, есть мамина сестра, которая мало что живет в Уэртинге, так еще и разводит собак. Мамина кузина в Кенсингтоне. И совсем дальняя родня по маминой линии, кажется, в Суссексе.

– В Суссексе… – задумчиво повторила миссис Смайли. – Это немного настораживает. Они живут на обветшалой ферме?

– Боюсь, что да, – нехотя согласилась Флора. – Впрочем, к ним я обращусь, только если ничего не получится с другими. Я намерена написать всем упомянутым родственникам и полюбопытствовать, не хотят ли они взять меня к себе за мои красивые глаза и сто фунтов годовых.

– Флора, *какая дикость*! – воскликнула миссис Смайли. – Ты *не в своем уме*! Да ты же через неделю *умрешь*! И ты, и я *не выносим* родственников! Тебе надо остаться у меня, выучиться машинописи и стенографии, тогда ты устроишься к кому-нибудь секретаршей, снимешь премилую квартиру, и мы сможем проводить у тебя чудесные вечеринки!

---

[5] Лакросс – командная игра, в которой игроки стремятся поразить ворота соперника резиновым мячом, который можно отбивать ногами и клюшкой, отчасти напоминающей сачок.

– Мэри, ты же знаешь, что я их терпеть не могу. Ад в моем представлении – многолюдная вечеринка в холодной комнате, где все сосредоточенно играют в хоккей. Но ты не дала мне договорить. Когда какие-нибудь родственники пригласят меня к себе, я возьмусь за дело и перевоспитаю их так, чтобы мне у них стало хорошо. А потом, когда захочу, выйду замуж.

– За кого, скажи на милость? – возмущенно осведомилась миссис Смайли.

– За кого-нибудь, кого сама выберу. Ты ведь знаешь, у меня вполне определенные взгляды на замужество. Мне всегда нравится читать в газетах: «Бракосочетание назначено на такое-то число». Их именно что надо назначать! Разве это не самый ответственный шаг в жизни человеческого существа? По-моему, так куда правильнее, чем верить, будто браки заключаются на небесах.

Миссис Смайли передернуло от неприкрытого, почти галльского цинизма Флоры. Сама миссис Смайли полагала, что браки должны естественно проистекать из свободного союза двух любящих людей и совершаться в церкви, со всеми церемониями и флердоранжем, как было у нее.

– А тебя я хотела спросить вот о чем, – продолжала Флора. – Как по-твоему, стоит ли разослать родственникам циркулярное письмо? Понравится им моя деловая хватка?

– Нет, – холодно ответила миссис Смайли. – Не понравится. Это будет *слишком* высокомерно. Надо написать каждому в отдельности (всякий раз *совершенно* новое письмо, Флора) и все в подробностях объяснить, если, конечно, ты намерена продолжать свою безумную затею.

– Да не кипятись ты, Мэри. Завтра перед ленчем и напишу. Могла бы написать сегодня вечером, но думаю, нам стоит отпраздновать мое вступление на стезю нахлебницы. У меня есть десять фунтов, и я приглашаю тебя в «Нью-Ривер-клаб» – райское место!

– Не глупи. Ты отлично знаешь, что туда надо идти с мужчинами.

– Так найди их. Кто-нибудь из «пионеров, о пионеров» сейчас в отпуске?

Лицо миссис Смайли приняло то заботливо-материнское выражение, которое, как знали все ее подруги, означало, что она думает о «пионерах, о пионерах».

– Да, Бикки сейчас в Лондоне, – сказала она.

У всех «детей загорелых» были короткие звучные прозвища, похожие на крики экзотических зверей, что немудрено: все они приезжали из краев, где водятся экзотические звери.

– И твой троюродный брат, Чарлз Фейрфорд, тоже, – продолжала миссис Смайли. – Ты его наверняка помнишь – высокий, серьезный, темноволосый.

– Вот и отлично, – одобрительно произнесла Флора. – У него такой смешной носик пуговкой.

Без двадцати девять от дома номер один по Маус-Плейс отъехал автомобиль миссис Смайли. Сама миссис Смайли и Флора были в белых платьях, с бутоньерками в прическах, а напротив них сидели Бикки и Чарлз.

Бикки, который сильно заикался, говорил без умолку, как все, кто страдает этим дефектом речи. Он был старый (лет тридцати), некрасивый и приехал в отпуск из Кении. Для начала он любезно подтвердил все худшие слухи об этой стране. Чарлз, которому фрак был чрезвычайно к лицу, почти не открывал рта и, лишь когда его что-нибудь забавляло, издавал низкое мелодичное «ха-ха». Ему недавно исполнилось двадцать три, и он готовился стать священником. По большей части он смотрел в окно, словно не считая возможным удостоить Флору взглядом.

– Вряд ли Снеллер одобряет нашу поездку, – заметила миссис Смайли. – У него был мрачный и озабоченный вид. Ты заметила?

– Он одобряет меня, потому что я выгляжу серьезной, – ответила Флора. – Прямой нос очень кстати, когда хочешь так выглядеть.

– Я не хочу выглядеть серьезной, – холодно промолвила миссис Смайли. – Еще успею – когда ты взвоешь от родственников и мне придется вызволять тебя из какой-нибудь кошмарной дыры, куда за год не доехать. Ты рассказала Чарлзу о своих планах?

– Господи, да конечно же, нет! Чарлз ведь мой родственник! Он решил бы, что я хочу поселиться с ним и тетей Хелен в Хартфордшире и напрашиваюсь на приглашение.

– Можешь напроситься, – сказал Чарлз, отрываясь от созерцания ярко иллюминированной улицы за окном. – У нас в саду качели, а летом цветет табак. Не исключаю, что нам с мамой понравится твое общество.

– Не глупи, – одернула его миссис Смайли. – Гляньте, мы приехали. Бикки, ты сумел заказать нам столик у реки?

Бикки сумел, так что они, усевшись за столиком среди цветов и огней, могли смотреть через стеклянный пол на реку, а когда танцевали, она струилась прямо у них под ногами. За стеклянными стенами проходили баржи, подмигивая романтическими зелеными и красными фонарями. Снаружи пошел дождь, и по стеклянному потолку побежали серебряные струйки.

За ужином Флора рассказала Чарлзу о своих намерениях. Поначалу тот молчал, и она решила, что он шокирован. Ибо хотя нос у Чарлза был не прямой, на его лице отчетливо читалось то, что Шелли написал о себе в предисловии к «Юлиану и Маддало»: «Юлиан довольно серьезен».

Наконец он сказал с улыбкой:

– Что ж, если станет совсем тошно, телефонируй мне, и я прилечу за тобой на своем аэроплане.

– У тебя есть аэроплан, Чарлз? Ты уверен, что для без пяти минут священника это уместно? А какой он породы?

– «Твин-Белиша-Бэт»[6]. А зовут его «Быстрая победа II».

– Правда, Чарлз, неужели священнику можно иметь аэроплан? – поддразнила Флора.

– Одно другому не мешает, – спокойно ответил Чарлз. – Так или иначе, ты звони, и я сразу прилечу.

Флора пообещала, что так и сделает, поскольку Чарлз ей нравился. Затем он пригласил ее танцевать. Потом все четверо долго сидели за кофе, а в три решили, что пора ехать по домам.

Чарлз подал Флоре ее зеленый плащ, а Бикки миссис Смайли – ее черный, все сели в автомобиль и поехали под дождем по улицам Ламбета, где каждое окно горело розовым, оранжевым или золотым светом, а люди за ними танцевали, музицировали, играли в карты или просто веселились; в ярко освещенных витринах красовалось что-нибудь одно: дорогое платье или танская фарфоровая лошадка.

– А вот «Старая дипломатия», – заметила миссис Смайли, когда они проезжали мимо неказистого домишки с корзинами металлических цветов на узких подоконниках. Из окон второго этажа доносилась музыка. – Как я рада, что бедный Тод завещал мне этот дом. Он приносит *столько* денег!

Как все, кто вознесся из трясины бедности на вершину богатства, она до сих пор не могла нарадоваться деньгам и постоянно мысленно их пересчитывала. Друзья находили это очаровательным. В такие минуты они умиленно любовались миссис Смайли, словно хорошеньким ребенком, играющим в новую игрушку.

Чарлз и Бикки простились у дверей, потому что миссис Смайли из страха перед дворецким не пригласила их на коктейль. Флора прошептала: «Какие глупости!»; впрочем, и она тоже немного оробела.

---

[6] Действие романа, как предупреждает автор в самом начале, происходит «в недалеком будущем» (видимо, во второй половине сороковых). 20–30 гг. XX в. ознаменовались расцветом авиации, и для Стеллы Гиббонс естественно было предположить дальнейший прогресс в этой области. Сама модель аэроплана вымышленная. В книге присутствуют и другие фантастические элементы, например, телефоны, позволяющие не только слышать, но и видеть собеседника.

Обе женщины двинулись вверх по узкой лестнице, покрытой черным ковром.

– Завтра я напишу письма, – проговорила Флора и зевнула. Ее рука легко скользила по узким белым перилам. – Доброй ночи, Мэри.

Миссис Смайли сказала: «Доброй ночи, дорогая» и добавила, что к завтрашнему дню Флора одумается.

Глава 2

Тем не менее утром Флора, как и намеревалась, написала все четыре письма. Миссис Смайли ей не помогала, потому что уехала в трущобы Мейфэра за бюстгальтером нового фасона, который увидела из окна автомобиля в витрине еврейской лавчонки. К тому же она искренне не одобряла намерения Флоры и не собиралась подсказывать ей даже одно вкрадчивое словечко.

– Подумай, во что ты превратишься! – воскликнула миссис Смайли за завтраком. – Неужто тебе и вправду не хочется себя чем-нибудь занять?

– Я рассчитываю годам так к пятидесяти трем написать роман не хуже «Доводов рассудка»[7], только, конечно, про наше время. Так что следующие тридцать лет я буду собирать материал. Если кто-нибудь спросит: «Чем ты занимаешься?», я отвечу: «Собираю материал». И никто не сможет возразить. Тем более что это будет чистая правда.

Миссис Смайли с молчаливым неодобрением отпила глоток кофе.

– Если хочешь знать, – продолжала Флора, – у меня много общего с мисс Остен. Она любила, чтобы все вокруг было опрятно, мило и аккуратно. Понимаешь, Мэри, – тут Флора даже подняла палец, – все обязательно должно быть опрятно, мило и аккуратно, это главный залог счастья. Я ненавижу все гадкое.

– Я тоже! – с жаром подхватила миссис Смайли. – И я уверена, ты станешь гадкой, если поживешь со своими захолустными родственниками.

– Ты меня не переубедишь, – сказала Флора. – В конце концов, если я не уживусь в Шотландии, Южном Кенсингтоне или Суссексе, я всегда могу вернуться в Лондон, благородно признать свое поражение и выучиться какой-нибудь профессии, как ты советуешь. И все-таки я убеждена, что куда забавнее поселиться с кем-нибудь из жутких родственников. К тому же там я наверняка найду материал для будущего романа, а заодно сумею уладить какие-нибудь семейные неприятности.

– Фи! У тебя комплекс Флоренс Найтингейл! – возмутилась миссис Смайли.

– Вовсе нет, и ты это отлично знаешь. В целом я людей не люблю; их так сложно понять. Но у меня аккуратный ум, и всякий беспорядок в чужих делах меня раздражает. К тому же беспорядок – это некультурно.

Последнее слово, как всегда, закончило спор, ибо подруги были единодушны в отвращении к тому, что называли «некультурностью» – этот расплывчатый термин обе, к взаимному удовольствию, понимали одинаково, и для них он был исполнен самого глубокого смысла.

Затем миссис Смайли вышла – ее лицо светилось тем отрешенным выражением, какое бывает у коллекционера, напавшего на след ценного экспоната, – а Флора засела за письма.

В следующий час вкрадчивые фразы лились с ее пера легко и свободно, поскольку язык у Флоры был подвешен отлично, и она с большим удовольствием меняла слог, приноравливая его к характеру адресата.

Письмо тетке в Уэртинг было дерзко-веселым, но с легким налетом безыскусного горя девочки-школьницы, потерявшей самых близких людей. К шотландскому дядюшке-холостяку Флора обращалась девически непосредственно и лишь самую чуточку игриво, давая понять, что она, по сути, бедная маленькая сиротка, к родственнице в Южном Кенсингтоне – с достоинством, скорбно, но деловито.

Раздумывая, какой стиль выбрать для неизвестных дальних родственников в Суссексе, Флора внезапно обратила внимание, до чего же чудной у них адрес:

---

[7] «Доводы рассудка» – последний роман Джейн Остен.

Миссис Юдифь Скоткраддер
Ферма «Кручина»
Воплинг[8], *Суссекс*

Однако она напомнила себе, что Суссекс, что ни говори, совершенно особый мир, и, если принять сам факт, что люди живут *на ферме* в Суссексе, остальному можно не удивляться. В сельской местности бедствия случаются куда чаще, чем в городе, так что, естественно, это отражается и в названиях.

И все же Флора не могла подыскать нужный тон, так что в конце концов (был уже час дня, и она порядком устала) просто описала свое положение и попросила ответить как можно скорее, чтобы ей меньше терзаться неопределенностью.

Миссис Смайли вернулась в четверть второго и увидела, что подруга сидит в кресле, закрыв глаза, осунувшаяся и зеленая, а на коленях у нее лежат четыре запечатанных конверта.

– Флора! Что с тобой? Тебе нездоровится? Животик снова пошаливает? – с тревогой воскликнула миссис Смайли.

– Нет, я вполне здорова, просто меня мутит от написанного. – При этих словах она оживилась и выпрямилась в кресле. – Знаешь, Мэри, просто страшно, что у меня получается писать так гадко и притом так удачно. Все мои письма – литературные творения, за исключением, возможно, последнего. Из них так и сочится елей.

– Сегодня, – проговорила миссис Смайли, направляясь в столовую, – мы поедем в синематограф. Отдай письма Снеллеру, он отправит.

– Нет, я сама, – ревниво ответила Флора. – Ты купила бюстгальтер, дорогая?

Лицо миссис Смайли омрачилось.

– Нет. Это оказался фасон «Венера», выпущенный братьями Уорбер[9] в тридцать восьмом; спереди три эластичные вставки, а не две, как я надеялась, а такой у меня в коллекции уже есть. Из авто я не разглядела; он был сложен, и одна вставка загнулась, отсюда и моя ошибка.

– А две вставки лучше?

– *Разумеется*, Флора. Двухвставочные бюстгальтеры *исключительно* редки. Я намеревалась купить такой, но, разумеется, ничего не вышло.

– Не огорчайся, мой ангел. Какой чудесный рейнвейн! Выпей до дна и сразу развеселишься.

По пути в «Родопиду»[10], большой вестминстерский синематограф, Флора отправила письма.

За следующие два дня не пришло ни одного ответа, и миссис Смайли выразила надежду, что родственники не ответят вообще. Она сказала:

– От всей души надеюсь, что если кто-нибудь и ответит, то не твои родные из Суссекса. Уж больно эти имена и названия пугают, какие-то они допотопные…

Флора согласилась, что имена и впрямь не обнадеживают.

– Если окажется, что на ферме «Кручина» у меня есть троюродные братья, сыновья кузины Юдифь, и кого-нибудь из них зовут Рувим или Сиф, я туда не поеду.

– Почему?

– Потому что любвеобильных юнцов, живущих на ферме, всегда зовут Рувим или Сиф, и они совершенно несносные. Не забудь, что моя кузина – Юдифь. Наверняка муж у нее Амос, а если так, это типичная ферма, а ты знаешь, какие они…

---

[8] Все названия городов, распложенных поблизости от фермы «Кручина», вымышленные.

[9] Намек на название «Корсетной компании братьев Уорнер». В 1914 г. они приобрели патент на бюстгальтер (который в то время не имел чашечек и не поддерживал, а придавливал грудь в соответствии с модой на мальчишескую фигуру).

[10] Родопида – имя гетеры, упомянутой у Геродота. Кинотеатр, как и многое другое в романе, вымышленный; его название отражает тенденцию давать кинотеатрам античные имена.

Миссис Смайли проговорила мрачно:

– Надеюсь, ванна там есть…

– Тьфу на тебя, Мэри! – воскликнула Флора, бледнея. – Конечно, есть! Пусть это и Сассекс, но все-таки…

– Посмотрим, – ответила ее подруга. – И (если все-таки решишь туда ехать) обязательно телеграфируй мне, есть ли там кузен по имени Рувим или Сиф и не надо ли прислать тебе резиновые боты. У них наверняка грязь непролазная.

Флора сказала, что непременно телеграфирует.

* * *

Надежды миссис Смайли не оправдались. На третий день, то есть в пятницу, с утренней почтой пришли четыре письма для Флоры, одно из них – в самом дешевом желтом конверте, подписанное таким корявым и безграмотным почерком, что почтальон еле-еле его расшифровал. Кроме того, конверт был грязен. На штемпеле стояло «Воплинг».

– Вот видишь, видишь! – воскликнула миссис Смайли, когда во время завтрака Флора показала ей свои сокровища. – Какой кошмар!

– Подожди, я сперва прочту другие письма, а это оставлю напоследок. И помолчи, пожалуйста. Я хочу узнать, что пишет тетя Гвен.

Тетя Гвен, выразив племяннице соболезнования и напомнив, что нужно стиснуть зубы и не выходить из игры («Вечно эти игры!» – пробормотала Флора), сообщила, что будет очень рада ее принять. Флору ждет настоящий семейный уют и множество интересных занятий. Она ведь согласится иногда немного помочь с собаками? Воздух в Уэртинге бодрящий, а среди соседей много молодежи. Дом всегда полон народом, Флора никогда не будет скучать в одиночестве. Пегги, которая сейчас страшно увлечена школьными походами, охотно потеснится, и Флора сможет жить с ней в одной комнате.

Флора с легкой дрожью отвращения протянула письмо миссис Смайли, но эта справедливая женщина не только не поддержала ее чувства, но и сказала твердо:

– По-моему, очень доброе письмо. Добрее и быть не может. Ты же не рассчитывала, что хоть кто-нибудь из родственников предложит тебе дом по твоему вкусу?

– Я не могу жить ни с кем в одной комнате, – объявила Флора, – так что тетю Гвен вычеркиваем. А вот письмо от мистера Маккорни, отцовского кузена из Пертшира.

Мистера Маккорни письмо от племянницы потрясло настолько, что вернулась его «старая болячка» и он два дня пролежал пластом. Старик выражал надежду, что это извиняет задержку с ответом. Разумеется, он будет счастлив приютить Флору под своим кровом, если она захочет сложить там белые крылышки своей юности («Душка-старичок!» – проворковала Флора), но опасается, что ей будет скучновато. Все здешнее общество состоит из него самого (да и он частенько лежит со «старой болячкой»), лакея и экономки, которая стара и туга на ухо. До ближайшей деревни семь миль, что тоже можно расценить как недостаток. Зато если Флора любит птиц, она сможет в свое удовольствие наблюдать за их жизнью на болотах, которые с трех сторон окружают дом. А сейчас он, к сожалению, вынужден закончить письмо, поскольку вновь вернулась «старая болячка», однако целует Флору и остается ее любящим дядюшкой.

Флора и миссис Смайли переглянулись и мотнули головами.

– Вот видишь, видишь! – повторила миссис Смайли. – Никакого просвета. Лучше тебе остаться со мной, выучиться и пойти на работу.

Однако Флора уже читала третье письмо. Мамина кенсингтонская кузина писала, что будет очень рада принять ее у себя, но есть некоторое затруднение со спальней. Быть может, Флору устроит большой чердак, где по вторникам собирается общество «Звезда Востока на Западе», а по пятницам Лига спиритических исследований. Тетушка выражала надежду, что

Флора *не скептик*, ибо на чердаке иногда происходят паранормальные явления, а любой скептицизм разрушит атмосферу, в которой Лиге удавалось так успешно общаться с гостями из иного мира. Ничего, если в уголке чердака останется жить попугай? Он там вырос, а в его годы опасно менять обстановку.

– Как видишь, там мне тоже предлагают одну комнату на двоих, – сказала Флора. – Я не против паранормальных явлений, но с попугаем жить не согласна.

– Так открывай же конверт из Воплинга, – проговорила миссис Смайли, обходя стол и вставая у Флоры за плечом.

Последнее письмо было написано крупным корявым почерком на дешевой линованной бумаге.

Дорогая племянница!

Так, значит, ты решила стребовать то, что твое по праву. Что ж, последние двадцать лет я ждала, когда дочь Роберта Поста даст о себе знать.

Дитя, мой муж некогда причинил твоему отцу большое зло. Если ты приедешь к нам, я всемерно постараюсь его загладить, только не спрашивай, о чем речь. Я нема как могила.

Может, мы не похожи на других, но Скоткраддеры живут в «Кручине», сколько она стоит, и мы постараемся принять дочь Роберта Поста как можно лучше.

Дитя, дитя, если ты впрямь приедешь в этот обреченный дом, что тебя спасет? Быть может, ты сумеешь помочь нам, когда пробьет наш час.

Твоя любящая тетка

Ю. Скоткраддер.

Необычайное послание очень взволновало и Флору, и миссис Смайли. Обе согласились, что в этом в целом негативном письме есть один плюс: оно умалчивало о необходимости делить с кем-нибудь комнату.

– И в нем нет ничего о наблюдениях за птицами на болотах и тому подобном, – добавила миссис Смайли. – Интересно все-таки, какое зло причинил ее супружник твоему отцу. Он когда-нибудь упоминал о мистере Скоткраддере?

– Нет. Мы со Скоткраддерами в родстве через мамину старшую сестру, Аду Мрак. Юдифь – ее дочь, а значит, приходится мне кузиной, а не теткой. Она запуталась, что меня нисколько не удивляет. Тамошняя обстановка явно не способствует ясности ума. Так вот, мама терпеть не могла Аду Мрак, потому что та обожала сельскую местность и носила экстравагантные шляпки. В конце концов она вышла за суссекского фермера по фамилии Скоткраддер. Наверное, теперь кузина Юдифь – хозяйка фермы. Может, ее мужа угнали с соседской фермы во время разбойничьего племенного набега, и ему пришлось взять ее фамилию. Или она тоже вышла замуж за Скоткраддера. Интересно, что сталось с тетей Адой? Она на пятнадцать лет старше мамы, так что если еще жива, то должна быть совсем старой.

– Ты ее когда-нибудь видела?

– Нет, по счастью. Я никого из них не видела. Адрес нашелся у мамы в записной книжке – она посылала им открытки на Рождество.

– Что ж, – сказала миссис Смайли. – По всему видно, что место жуткое, но не так, как другие. Оно кошмарное и загадочное, а те просто кошмарные. Если ты все-таки решила ехать к родственникам, а не остаться со мной, то, по-моему, тебе лучше выбрать Суссекс. Тебе там очень скоро надоест, а когда ты поймешь, каково это – жить с родственниками, ты примчишься сюда и поступишь на работу.

Флора сочла за лучшее не отвечать на последнее замечание.

– Да, Мэри, наверное, я поеду в Суссекс. Мне очень интересно, что там «мое по праву». Неужели деньги? Или маленький домик? Это было бы даже лучше. Ладно, приеду – узнаю. Как по-твоему, когда мне трогаться в путь? Сегодня пятница. Может, во вторник после ленча?

– Совершенно незачем срываться с места так скоро. В конце концов, тебе некуда спешить. Вряд ли ты выдержишь там больше трех дней, так не все ли равно, когда ехать? Тебе что, не терпится туда попасть?

– Я хочу получить то, что мое по праву, – ответила Флора. – Наверное, это какие-нибудь просроченные закладные, но, если они мои, я хочу их забрать. А теперь иди, Мэри, я собираюсь написать этим добрым людям, и мне надо сосредоточиться.

Флора никогда не могла понять, как составляются железнодорожные расписания, а гордость не позволяла ей обратиться за советом к Снеллеру или миссис Смайли, поэтому она попросила кузину Юдифь любезно сообщить, какие поезда ходят в Воплинг, в какое время они приходят, а также кто ее встретит и на чем.

Правда, в романах о сельской жизни никто никого на вокзале не встречает, кроме как с низкой (или, наоборот, благородной) целью опередить других членов семьи, но Флора подумала, что надо прививать Скоткраддерам культурные привычки. Поэтому она написала твердо: «Обязательно сообщите мне, какие поезда ходят до Воплинга и какой из них вы встретите», – и с чувством исполненного долга запечатала конверт и отдала Снеллеру, чтобы тот поскорее его отправил.

В следующие два дня Флора и миссис Смайли чудесно проводили время.

Утром они катались на коньках с Чарлзом, Бикки и еще одним из «пионеров, о пионеров» – тот носил прозвище Фьют и приехал в отпуск с озера Танганьика. Хотя они с Бикки отчаянно ревновали друг к другу, отчего испытывали ужасные душевные муки, миссис Смайли отлично их выдрессировала, так что они не смели вздыхать, а серьезно выслушали, каждый в свой черед, как она волнуется за «пионера, о пионера» Гуфи, который собрался в Китай и от которого уже десять дней не было ни слуху ни духу.

– Боюсь, бедняжка огорчен, – говорила миссис Смайли, и все понимали: она опасается, что Гуфи от неразделенной страсти покончил с собой. Бикки и Фьют, по собственному опыту знавшие, что так оно, вероятно, и есть, отвечали: «Брось, Мэри, какие пустяки!» – и заметно приободрялись при мысли о терзаниях Гуфи.

Во второй половине дня они отправлялись полетать на аэроплане, или в зоопарк, или на концерт, а вечерами ходили в гости; точнее, миссис Смайли и двое «пионеров, о пионеров» ходили в гости, где новые молодые люди влюблялись в миссис Смайли, а Флора, которая, как мы знаем, ненавидела шумных сборищ, ужинала с умными мужчинами. То был ее любимый способ проводить вечера, ибо так она могла сколько угодно пускать пыль в глаза и говорить о себе.

К пятичасовому чаю в понедельник ответного письма все еще не было, и Флора думала, что придется отложить поездку, однако с вечерней почтой пришла мятая открытка. Флора читала ее, вернувшись из ресторана, где пускала пыль в глаза и говорила о себе, когда вошла миссис Смайли – ей прискучило в гостях.

– Тут есть расписание поездов, моя драгоценная? – спросила миссис Смайли. – Фу, до чего грязная открытка. Неужто Скоткраддеры не могли найти чистой?

– Про поезда тут ничего нет, – сдержано ответила Флора. – Я разобрала только какие-то незнакомые цитаты, наверное, из Библии. И еще очередное заверение, что Скоткраддеры живут на ферме «Кручина», сколько она стоит, хотя зачем мне это пишут – ума не приложу.

– Только не говори, что там стоит подпись «Сиф» или «Рувим»! – в страхе воскликнула миссис Смайли.

– Там вообще нет подписи. Думаю, это от кого-то из членов семьи, кто не рад моему приезду. В цитатах, кроме прочего, упоминаются аспиды. Я бы предпочла расписание поездов, но, полагаю, нелогично ожидать такого внимания к мелочам от обреченного суссекского семейства. Ладно, Мэри, я поеду завтра после ленча, как и собиралась. С утра предупрежу их телеграммой.

– Ты полетишь?

– Нет. Ближайшая посадочная станция в Брайтоне. К тому же мне надо экономить деньги. Вы со Снеллером составите мне маршрут; для меня самой это слишком утомительно.

– Конечно, милая, – сказала миссис Смайли огорченно – ей жаль было расставаться с подругой. – И все-таки лучше бы ты осталась здесь.

Флора бросила открытку в камин, однако ее решимость осталась неколебимой.

На следующее утро миссис Смайли искала в расписании поезд до Воплинга, а ее горничная, Рианта, укладывала Флоре чемоданы.

Даже миссис Смайли не сумела отыскать в расписании ничего утешительного – оно выглядело еще путанее обычного. С тех пор как авиационное сообщение и отличные дороги перетянули к себе три четверти пассажиров, оставшиеся железнодорожные компании впали в черную тоску, которая читалась даже между строк их расписаний.

Имелся некий поезд, отходящий от Лондонского моста в половине второго. Это был медленный поезд, следующий со всеми остановками. В три он приходил в Бодягшир. Там пассажиры пересаживались на другой поезд, тоже медленный и следующий со всеми остановками. В шесть он приходил в Пивтаун, и дальше уже ни о каких пересадках речи не шло. В расписании стояла лишь одна издевательская строчка «Воплинг (см. Пивтаун)» без каких-либо объяснений.

Итак, Флора решила ехать в Пивтаун, а там будь что будет.

– Наверное, Сиф встретит тебя в бричке, – заметила миссис Смайли за ленчем (они решили поесть раньше обычного, чтобы успеть на поезд).

Настроение у обеих было печальное. Флора глядела в окно на Ламбет, на хорошенькие домики, залитые бледным солнечным светом, и думала, что отказывается от компании миссис Смайли, полетов и ужинов в ресторане ради суровой жизни на ферме «Кручина» и общества некультурных Скоткраддеров.

– Какая бричка?! – огрызнулась она на ни в чем не повинную подругу. – Откуда в Суссексе брички? Ты вообще что-нибудь читаешь, кроме «Хауссман-Хаффниц о бюстгальтерах»? Нет, если Сиф меня встретит, то на тарантасе или в телеге.

– Я все-таки надеюсь, что его зовут не Сиф, – с жаром проговорила миссис Смайли. – А если все-таки Сиф, телеграфируй мне немедленно, и насчет резиновых ботов тоже.

Авто уже стояло у дверей, так что Флора поднялась из-за стола и поправила шляпку на золотисто-каштановых волосах.

– Непременно телеграфирую, хотя не вижу, какой в этом прок, – сказала она.

На душе у нее было тоскливо, а мысль, что она отправляется в эту нелепую поездку исключительно из собственного упрямства, еще добавляла горечи.

– Конечно, будет прок. Я тебе сразу пришлю все нужное.

– Что нужное?

– Подходящую одежду и модные журналы для поднятия настроения.

– А Чарлз приедет на вокзал? – спросила Флора, когда они усаживались в авто.

– Сказал, что, может, и приедет. А что?

– Да так, не знаю… Он мне нравится. Такой забавный…

Поездка через Ламбет не ознаменовалась никакими происшествиями, за исключением одного: Флора показала миссис Смайли, что на месте старого полицейского участка на Кэролайн-Плейс теперь открылся цветочный магазин под названием «Орхидеи лимитед».

Автомобиль доставил их на вокзал, где уже стоял поезд. Тут же стояли Чарлз (с букетом цветов) и Бикки с Фьютом, страшно довольные, что Флора уезжает и миссис Смайли (как они горячо надеялись) будет проводить в их обществе больше времени.

«Поразительно, как любовь сдирает всякие остатки вежливости, которой человечество за годы эволюции с такими усилиями обзавелось, – подумала Флора, глядя из вагонного окна на лица Бикки и Фьюта. – Сказать им, что завтра с Онтарио возвращается Мигг? Нет, лучше не буду. Это был бы чистый садизм».

Поезд тронулся.

– До свидания, дорогая! – крикнула миссис Смайли.

– До свидания! – Чарлз в последнюю секунду сунул Флоре нарциссы, про которые чуть не забыл. – Не забудь мне телефонировать, если станет совсем тошно, и тогда я увезу тебя на «Скорой победе II»!

– Не забуду, Чарлз! Спасибо тебе огромное. Хотя я уверена, что мне там будет весело и вовсе не тошно.

– До свидания! – крикнули Бикки и Фьют, лицемерно изображая на лицах некое подобие огорчения.

– До свидания! Не забывайте кормить попугая! – выкрикнула Флора, которую, как всякую культурную путешественницу, утомляли долгие прощания.

– Какого попугая?! – завопили они с быстро удаляющегося перрона – ровно как и было задумано.

Однако ответ уже потребовал чрезмерного напряжения сил. Флора ограничилась тем, что пробормотала «Да какого хотите» и последний раз ласково помахала миссис Смайли, затем села, устроилась поудобнее и раскрыла модный журнал.

Глава 3

**Новый день массивной белесой тушей сползал с меловых холмов, неся в себе иступленное рычание ветра, вгрызавшегося в черные заросли терновника. Ветер был голосом медлительной звериной туши рассвета, под которой мало-помалу проступали слуховые окна, балясины и орясины фермы «Кручина».

Ферма съежилась на унылом склоне холма; ее поля, ощетинившиеся зубьями кремневых осколков, круто спускались по склону к поселку Воплинг милею дальше. Сараи и службы, выстроенные в форме примитивного восьмиугольника, окружали усадьбу, выстроенную в форме грубого треугольника. Левый угол треугольника упирался в дальний угол восьмиугольника, образованный коровьими хлевами (они шли параллельно большому амбару). Службы были сложены из грубого камня и покрыты соломой, дом – частью из местного кремня, скрепленного раствором, частью из камня, ценой больших издержек и трудов доставленного сюда из Пертшира.

Он представлял собой длинное строение, местами двух-, местами трехэтажное. Первым владельцем фермы был Эдуард Шестой; тогда тут стоял сарай, где жили его свинопасы. Король возвел на месте деревянного сарая глинобитный, а чуть позже распорядился снести и его. Елизавета отстроила ферму заново, снабдив ее множеством печных труб. Чарлзы ее не тронули, а вот Мария с Вильгельмом сровняли с землей. Георг Первый возродил ферму. Георг Второй сжег. Георг Третий добавил новое крыло. Георг Четвертый велел разобрать все до основания.

К эпохе имперской экспансии и торгово-промышленного подъема, которым ознаменовалось царствование Виктории, от первоначального здания не осталось почти ничего, кроме традиции, что оно всегда тут стояло. Дом припал к земле, словно зверь перед прыжком. Архитектурные стили прошлых эпох – призраки, вмурованные в камень и кирпич, – оставались безмолвными свидетелями истории. В округе его называли «Королевская причуда».

Парадная дверь открывалась на вспаханное поле: так вздумалось Релею Скоткраддеру в 1835 году, и с тех пор домашние выходили через черную дверь и оказывались на скотном дворе. Длинный коридор тянулся до середины второго этажа и там обрывался. На чердак нельзя было попасть вообще никаким способом. Вся планировка была до крайности неудобна.

…И по мере того как траурный свет растекался по небосводу, нарастал и страдальческий рокот моря, резкими складками набегавшего на зеркальную гладь берега двумя милями дальше.

Под зловещей чашей небес одинокий мужчина пахал склон у фермы; в извилистых бороздах острые, как осколки костей, белесо поблескивали кремни. Ледяные каскады ветра скакали по нему, пока он направлял свой плуг по каменистой почве, время от времени прикрикивая грубым голосом:

– Гей, Потуга! Пшел, Мышьяк! Шевелись!

Однако по большей части он трудился в молчании, как и лошади. Лицо его было так же невыразительно и серо, как земля под плугом, два темных глаза смотрели угрюмо и неприветливо.

Всякий раз, дойдя до края поля, он круто наклонял гридло[11] своего плуга, чтобы повернуть; тогда взгляд его устремлялся к ферме на костлявом всплечье холма, и в тусклых глазах вспыхивал алчный огонь. Затем, прикрикнув: «Но, Потуга! Тпру, Мышьяк!», пахарь устрем-

[11] Пародируя романы из сельской жизни (от Томаса Гарди до Дэвида Герберта Лоуренса), Стелла Гиббонс ввела в текст множество вымышленных якобы диалектных словечек: гридло, коровня, бычарня, кохопутить и так далее. К их числу относятся также многочисленные выдуманные названия растений и птиц: песья вонючка, болотная паичка, живохлебка и прочие, а также существующие слова, употребленные в неверных значениях: орясина, галган, заструга и тому подобное.

лялся дальше, понуро наблюдая, как гридло рассекает жесткую почву, а в небе над его головой медленно разгорается неласковый утренний свет.

Из-за расположения служб солнце добиралось до двора в последнюю очередь, так что паутина на верхних окнах старой усадьбы уже давно сияла в утренних лучах, а на скотном дворе по-прежнему лежала волглая тень.

Лежала она и сейчас, но на составленных в ряд металлических подойниках вспыхивали резкие блики.

Выйдя из дома через черную дверь, вы утыкались в каменную стену, которая по ломаной линии шла наискосок к бычьему хлеву и дальше до калитки в огород, буйно заросший песьей вонючкой и дикой репой. Бычарня упиралась в правый угол маслобойни. Коровни смотрели на дом, но черная дверь смотрела на бычарню. Отсюда по всей длине восьмиугольника, до парадной двери, тянулся длинный сарай. Маслобойня стояла крайне неудобно; она была мозолью в глазу старого Нишиша Скоткраддера, последнего хозяина фермы, умершего три года назад. Маслобойня смотрела на парадную дверь в дальнем углу треугольника, образованного древним зданием усадьбы.

От маслобойни отходила стена, составлявшая правую грань восьмиугольника, – она соединяла бычий хлев и свиные закуты в правом углу треугольника. Лестница, поставленная здесь для вящего неудобства, шла параллельно восьмиугольнику от середины двора и до стены, ведущей к огородной калитке.

Из смрадной глубины коровьего хлева доносился звук молочной струи, бьющей в подойник. Подойник зажимал между коленями старый Адам Мухинеобидит. Голова его упиралась в бок Неряхи, большой джерсейской коровы, скрюченные пальцы машинально дергали ее вымя, а с губ слетало ласковое бормотание, бездумное, как ветер средь меловых холмов.

Адам спал. Он прободрствовал всю ночь, блуждая мыслями по бесприютным голым холмам вслед за своей дикой пташкой, своим полевым цветочком…

Эльфина. Имя, непроизнесенное и резко мелодичное, словно сияющая капля, сорванная с ожерелья криницы, ощутимо звенело в зловонном воздухе хлева.

Коровы стояли, обреченно понурив головы. Неряха, Неумеха, Нескладеха и Невезуха ждали, когда их подоят. Иногда Неряха с резким звуком, словно напильником по шелку, неловко проводила шершавым языком по тощему боку Нескладехи, еще мокрому от ночного дождя, пролившегося через дырявую крышу хлева, или Невезуха косилась большим бессмысленным глазом, поднимая голову, чтобы сжевать немного паутины с деревянной заструги. Влажный и душный свет, почти такой же, как горит под веками лежащего в лихорадке, наполнял коровню.

Внезапно страдальческий нутряной рев, взорвавший тишину утра, пронесся по двору и оборвался рыдающим мучительным всхрипом. То пробудился в сырой темноте своего заточения бык по кличке Воротила.

Звук разбудил Адама. Он отлепил голову от бока Неряхи и мгновение растерянно озирался; мало-помалу его глаза – маленькие, влажные, бессмысленно смотрящие с примитивного лица, – утратили выражение ужаса. Он понял, что сидит в хлеву, что сейчас зимнее утро, половина седьмого, а его скрюченные пальцы заняты работой, которую выполняют в этот час последние лет восемьдесят.

Он встал, вздохнул и перешел к Невезухе, которая жевала хвост Нескладехи. Адам, связанный со всяким бессловесным скотом цепью, выкованной из пота и перегноя, вынул хвост Нескладехи у Невезухи изо рта и взамен протянул свой шейный платок – последний, что у него оставался. Корова жевала платок, пока Адам ее доил, но едва он поднялся и перешел к Неумехе, украдкой выплюнула тряпицу и копытом зарыла в вонючую солому у своих ног. Ей не хотелось огорчать старика, отвергая его угощение. Прочная связь – медленная, глубокая, первозданная и безмолвная – сплачивала Адама со всеми живыми тварями. Он знал их немуд-

рящие нужды, они – его. И Адам, и коровы жили близко к земле; старая, матерая простота суссекской почвы вошла в их плоть и кровь.

Внезапно на деревянный косяк двери легла тень. День, сжимавший коровню в мертвенно-бледных объятиях, омрачился лишь самую малость, однако Неряха, Нескладеха, Неумеха и Невезуха инстинктивно подобрались, а в глазах Адама, когда тот встал и повернулся к входу, вновь мелькнул затравленный страх.

– Адам, – проговорила женщина, стоящая в дверном проеме, – сколько ведер молока будет у нас нынче утром?

– Поди ж скажи, – ответил Адам, вжимая голову в плечи. – Ежли наша Неумеха больше не мается животом, то, могет быть, и четыре. А ежли мается, то, могет быть, и три.

Юдифь Скоткраддер сделала нетерпеливое движение руками – они были так велики, что, казалось, охватывали весь окоем. Да и сама она выглядела безграничной, когда стояла на пронизывающем ветру, кутая могучие плечи в малиновую шаль. Ее присутствие заполнило бы любую сцену, сколь угодно огромную.

– Ладно, постарайся надоить побольше, – безжизненным голосом произнесла она, глядя в сторону. – Миссис Скоткраддер спрашивала меня вчера про молоко. Она сравнивала наши надои с теми, что получают на других фермах в округе, и сказала, они на пять шестых ведра меньше, чем должны быть при нашем числе коров.

Глаза Адама подернулись пленкой, словно у ящерицы, разомлевшей под жарким южным солнцем, отчего лицо приняло безжизненное примитивное выражение, однако он ничего не ответил.

– И еще, – продолжала Юдифь. – Тебе, наверное, придется съездить вечером в Пивтаун к поезду. К нам приезжает пожить дочь Роберта Поста. Скажу точнее, как только она даст знать.

Адам испуганно вжался в изъязвленный бок Неумехи.

– Не посылайте меня за ней, мисс Юдифь! – жалобно проскулил он. – Не надо! Как я посмею взглянуть в ее личико-бутончик, зная то, что знаю? О, мисс Юдифь, умоляю, не посылайте меня. Да к тому же, – добавил старик более деловито, – я уж почти шестьдесят пять лет не держал в руке вожжей, как бы мне не опрокинуть барышню.

Юдифь была уже на середине двора. Сейчас она медленно и величаво повернулась к Адаму, и ее низкий голос колоколом раскатился в морозном воздухе:

– Нет, Адам, придется тебе поехать. Ты должен забыть, что знаешь; мы все должны, покуда она здесь. А что до остального – запряги Аспида в тарантайку и съезди шесть раз в Воплинг и обратно, вот и вспомнишь, как это делается.

– А не могет мастер Сиф съездить заместо меня?

Сведенное неизбывным горем лицо хозяйки внезапно озарилось сильными чувствами. Она проговорила тихо и резко:

– Вспомни, что было, когда он ездил встречать новую судомойку… Нет. Поедешь ты.

Глаза Адама – слепые озерца воды на примитивном лице – внезапно хитро блеснули. Он вновь принялся машинально дергать Нескладеху за вымя, приговаривая нараспев:

– Что ж, мисс Юдифь, коли так, значит, поеду. Сколько лет мне думалось, что придет однажды этот день… И вот я еду забирать дочь Роберта Поста в «Кручину». Чуден мир. Семечко в цветочек, цветочек в ягодку, ягодка в живот. То-то и оно.

Юдифь уже прочавкала по грязи через двор и вошла в усадьбу.

В большой кухне, занимавшей почти всю среднюю часть дома, горел безрадостный огонь, дым от него стлался по закопченным стенам и по накрытому к завтраку столу из сосновых досок, черному от времени и грязи. Над огнем висел галган с грубой овсянкой, а опершись на каминную полку и мрачно глядя на кипящее варево, стоял высокий молодой человек в забрызганных грязью сапогах. Его грубая шерстяная рубаха была расстегнута до пупа. Огонь

в камине играл на мышцах диафрагмы, которые медленно вздымались и опадали в такт колыханию овсянки.

Когда Юдифь вошла, молодой человек вскинул голову, резко, издевательски хохотнул, но ничего не сказал. Она медленно подошла и встала рядом. Они были одного роста. Некоторое время оба стояли и молчали: Юдифь смотрела на молодого человека, а тот – в загадочные расселины овсянки.

– Что ж, матерь моя, – сказал он наконец, – вот он я, как видишь. Я обещал быть к завтраку и сдержал слово.

Голос у него был низкий, по-звериному хрипловатый; чуть ироничная теплота бархатистой лентой чувственности обвивала внешнюю грубоватость молодого человека.

Юдифь дышала сильно и прерывисто. Она глубже упрятала руки под шаль. Овсянка зловеще всколыхнулась; можно было подумать, что она наделена разумом, настолько ее движения отзывались на каждый всплеск человеческих страстей.

– Мерзавец, – проговорила наконец Юдифь ровным голосом. – Трус! Лжец! Распутник! У кого ты провел эту ночь? У Молли с мельницы или у Викки из викариата? Или, может, у Конни с кузницы? Сиф, сын мой… – Низкий скрипучий голос задрожал, но она взяла себя в руки, и ее слова хлестнули его, как плеть: – Ты хочешь разбить мне сердце?

– Да, – со стихийной простотой отвечал Сиф.

Овсянка выкипела на пол.

Юдифь, опустившись на колени и глотая слезы, быстро и отрешенно собрала ее обратно в галган. Тем временем во дворе раздался невнятный гул голосов и топот. Мужчины пришли к завтраку.

Он был накрыт для них на длинном дощатом столе как можно дальше от огня. Они неловко ввалились в кухню, все одиннадцать человек. Пятеро были дальние родичи Скоткраддеров, двое – сводные братья Амоса, мужа Юдифи. Лишь четверых не связывали с остальными те или иные семейные узы, так что общее настроение у работников, как легко догадаться, было отнюдь не из веселых. Марк Скорби, один из четверых, однажды заметил: «Будь мы другие одиннадцать, могли бы составить крикетную команду, а так мы годимся только носить гробы по шесть пенсов за милю».

Пятеро сводных кузенов и двое сводных братьев уселись за стол – они ели вместе с хозяйской семьей. Амос предпочитал видеть своих родственников поблизости, хотя, конечно, никогда этого не говорил и вообще никак не выказывал.

Сильное фамильное сходство, словно прихотливый свет, то проглядывало, то пропадало на грубых обветренных лицах. Иеремия Скоткраддер, самый крупный из семерых, и сейчас выглядел силачом, несмотря на паралич, скрючивший его в колене и запястье. Его племянник, Урк, низкорослый, рыжий и остроухий, смахивал на лиса, Ездра, брат Урка, при том же телосложении больше напоминал лошадь. Сельдерей, молчаливый и худощавый, с длинными подвижными пальцами, был отчасти наделен той же звериной грацией, что и Сиф; он передал ее своему сыну, Кипрею, молчаливому и нервному молодому человеку, склонному взрываться по пустякам.

Сводные братья Амоса, Анания и Азария, любители поспать и поесть, были кряжисты и скупы на слова.

Когда все расселись, две тени омрачили резкий, холодный свет, льющийся в открытую дверь. То была не более чем нарастающая опасность человеческого присутствия, и тем не менее овсянка вновь выкипела на пол.

В кухню вошли Амос Скоткраддер и его старший сын Рувим.

Амос, еще более крупный и скрюченный, чем Иеремия, молча поставил в угол моторыгу и кирко-заступ, а Рувим – гридло, которым недавно пахал склон под фермой.

Оба молча уселись за стол. Амос пробормотал длинную и жаркую молитву, после чего все молча приступили к трапезе. Сиф мрачно завязывал и развязывал зеленый шарф на великолепной шее, которую унаследовал от матери; он не прикоснулся к овсянке, а Юдифь лишь делала вид, будто ест, ковыряя ложкой в каше и выстраивая замки из пригорелых комков. Ее глаза горели под своими нависшими балконами, то и дело устремляясь на Сифа, который сидел с чувственной небрежностью, расстегнутый почти на все пуговицы и развязанный почти на все шнурки. Затем те же глаза, черные, словно ядовитые королевские кобры, медленно обращались на седую голову и багровую шею Амоса и тут же хищными богомолами прятались между веками. Ее полные губы были таинственно поджаты.

Внезапно Амос, подняв взгляд от миски, спросил резко:

– Где Эльфина?

– Еще не встала. Я ее не будила. От нее по утрам хлопот больше, чем помощи, – ответила Юдифь.

Амос засопел.

– Греховная это привычка – спать допоздна, и преисподний огнь вечного проклятия ждет тех, кто ей предается. И… – тут его горящий взгляд остановился на Сифе, который украдкой разглядывал под столом парижские фотографические открытки[12], – тех, кто нарушает седьмую заповедь, тоже. И тех, – тут он взглянул на Рувима, с надеждой искавшего в лице родителя признаки апоплексии, – кто при живом отце зарится на наследство.

– Послушай, Амос… – начал Иеремия.

– Молчи! – прогремел Амос.

Мощная дрожь прошла по исполинскому телу Иеремии, однако тот сдержался и ничего не ответил.

Когда с завтраком было покончено, работники поднялись, чтобы продолжить уборку брюквы. Сейчас была самая страда брюквы, долгая и очень тяжелая. Скоткраддеры тоже встали и вышли под начавшийся дождь. Они копали колодец подле маслобойни; копали уже год, потому что все новые препятствия не давали завершить начатое. Однажды – в ужасный день, когда Природа словно затаила дыхание, а затем выпустила его ураганным ветром, – Кипрей упал в колодец, другой раз Урк столкнул туда Сельдерея. И все же все чувствовали, что осталось недолго.

В середине утра пришла телеграмма из Лондона с известием, что гостья прибудет шестичасовым поездом.

Юдифь была дома одна. Прочитав телеграмму, она еще долго стояла неподвижно, а дождь хлестал в окно на ее малиновую шаль. Наконец, медленно волоча ноги, Юдифь поднялась на второй этаж. По пути к лестнице она бросила через плечо Адаму, который пришел вымыть посуду:

– Дочь Роберта Поста приедет в Пивтаун шестичасовым поездом. Тебе надо выехать за нею в пять. Я пойду предупрежу миссис Скоткраддер.

Адам не ответил. Сифу, сидевшему у камина, прискучило разглядывать карточки, полученные три года назад от сына викария, с которым они по временам вместе браконьерствовали. Он уже знал их все наизусть. Мириам, наемная домашняя прислуга, должна была прийти только после обеда. Когда она придет, то будет отводить глаза, трепетать и плакать.

Он расхохотался дерзко, торжествующе, расстегнул еще пуговицу на рубахе и вразвалку вышел во двор к хлеву, где томился во тьме бык по кличке Воротила.

Тихо посмеиваясь, Сиф пнул ногой дверь.

---

[12] Имеются в виду фотографии полуобнаженных девиц в эротических позах; часто такие наборы и впрямь изготавливались во Франции.

И словно ответом самца самцу, истерзанный страдальческий рев вырвался из темного хлева и без помех унесся в мертвое небо над фермой.

Сиф расстегнул еще одну пуговицу и вразвалку пошел прочь.

Адам Мухинеобидит, один в кухне, невидящим взглядом смотрел на грязные миски, которые ему предстояло вымыть, ибо наемная прислуга, Мириам, приходила только после обеда, да и тогда проку от нее было немного. Как знал весь Воплинг, она дохаживала последние дни. Как-никак, сейчас февраль, и в земле ворочается новая жизнь. Улыбка тронула морщинистые губы Адама. Он собрал миски и отнес к насосу в углу кухни, подле каменной мойки. Она дохаживает последние дни. А когда апрель, словно истомившийся любовник, припадет к пышным податливым холмам, в лачужке за Крапивным полем, где Мириам растит плоды своего позора, станет одним ребеночком больше.

– Заячий лук да квакушкины слезки, по плодам распознаете их, – бормотал Адам, пуская холодную струю на миски с приставшей овсянкой. – Дождь ли, вёдро, завсегда одно и то же.

Покуда он вяло тыкал в застывшую овсянку терновой веткой, на лестнице за дверью кухни раздались шаги, и кто-то замер на пороге.

Шаги были легки, как пушинки. Если бы шум бегущей воды не заглушал все другие звуки, старик принял бы эту робкую поступь за биение собственного сердца.

И вдруг, внезапно, словно зимородок пронесся сквозь кухню, мелькнули зеленая юбка и летящие золотые кудри, колокольчиком прозвенел смех, и мгновение спустя стукнула калитка, ведущая через запущенный огород в холмы.

Адам резко повернулся, выронил терновую ветку и разбил две миски.

– Эльфина… пташка моя, – прошептал он, делая шаг к раскрытой двери.

Хрупкая тишина, словно издевкой, обдала его запахом навоза и гниющего дерева.

– Фифеечка моя, тетешка, – жалобно бормотал старик. Теперь глаза его смотрели как серые озерца – незрячие примитивные бочаги на одиноком болоте, отражающие пустое вечернее небо.

Старик безвольно опустил руки и выронил еще одну миску. Она разбилась.

Он вздохнул и, позабыв обо всем, медленно двинулся к двери. Серые озерца его глаз были устремлены на коровню.

– Да, скотинка, – грустно бормотал он. – Бессловесная скотинка, она добро помнит, не то что человек. Лучше б я тетешкал на груди нашу Нескладеху, чем крошку Эльфину. Да, дикая она у нас, как болотная паичка в мае. Значит, так тому и быть. Кисло ли, сладко ли, в анбаре, на гумне ли, так оно и будет. Да, но ежели он, – тут незрячие серые озерца потемнели, словно на болото налетел атлантический шторм, – ежели он тронет хоть волосинку на ее золотистой головушке, я его убью.

Так, бормоча что-то, старик вошел в хлев, где отвязал коров и погнал через двор и дальше по раскисшей дороге на Крапивное поле. Погруженный в свое горе, он не заметил, что у Нескладехи отвалилась нога, и она кое-как поспешает на трех оставшихся.

Огонь на кухне, оставшись без присмотра, потух.

Глава 4

Бесконечный свинцовый день незаметно сползал к вечеру. После простой полуденной трапезы Адам по указанию хозяйки запряг Аспида, норовистого мерина, в повозку и шесть раз съездил в Воплинг и обратно, дабы восстановить кучерские навыки. Он думал отвратить испытания, разыграв припадок, но не сумел произвести нужного эффекта, поскольку у Мириам, наемной прислуги, когда та передавала Сифу миску с овощами, от волнения начались схватки.

В последовавшей суете припадок Адама, который тот из соображений собственного удобства и безопасности разыграл в хлеву, послужил лишь греческим хором к основной драме.

Итак, отговорок у Адама не осталось, и он всю вторую половину дня катался на станцию и обратно к большому возмущению Скоткраддеров, наблюдавших за ним от колодца: все это время мужчины не копали, ругаясь, что старик бездельничает.

– Как я узнаю барышню? – жалобно спросил он у хозяйки, зажигая фонарь на тарантасе. Тусклое пламешко медленно разгорелось под огромной, равнодушной чашей небес и повисло блуждающим могильным огоньком в безветренных сумерках. – Роберт Пост был здоровущий бугай, все игрался в мячи да в биты. Чай и дочка его такая же?

– Пассажиров будет мало, – нетерпеливо ответила Юдифь. – Дождись, когда все уйдут со станции. Дочь Роберта Поста останется последней – она будет ждать, что ее встретят. Да поезжай уже! – И она ударила мерина по крупу.

Аспид рванул с места раньше, чем Адам успел его удержать. Тьма упала затуманенным колоколом черного стекла и скрыла с глаз размокшую от дождя местность.

К тому времени как тарантас добрался до Пивтауна, отстоящего от Воплинга на добрых семь миль, Адам забыл, куда и зачем едет. Вожжи лежали на его узловатых руках, незрячее лицо было обращено к темному небу.

***Из плотных, слежалых слоев его подсознания в затуманенное сознание медленно сочилась мысль – не как интегральная часть этого сознания, но как бесплотная эманация, ноктурнальное веяние бессонной жизни от волнующихся вокруг деревьев и полей. Тьма, плотным одеялом накрывшая округу, не принесла ей успокоения; на мили вокруг земля билась в ежегодных конвульсиях весеннего роста: червяк терся о червяка, семечко о семечко, лист о корень и заяц о зайца. Букашек и тех затронула эта напасть. Икрянки в темном омуте за Крапивной запрудой возбужденно пульсировали. Долгие крики пестробрюхих сов-ушанок алыми полосами разрывали ночной мрак. В промежутках, каждые десять минут, они спаривались. То, что стороннему глазу показалось бы хаосом, было на самом деле методически упорядоченно. Однако глухота и слепота Адама шли не только извне; земное спокойствие сочилось из его подсознания вверх и встречало нисходящий ток умиротворенного сознания. Дважды работники с других ферм вытаскивали тарантас из живой изгороди, а один раз он чуть не столкнулся с повозкой викария, едущего домой после чая в помещичьем доме.

– Где ты, моя птеничка? – спрашивали слепые губы старика у немой тьмы и черных голых ветвей. – Для того ли я тетешкал тебя как нюнечку?

Он знал, что Эльфина сейчас меж холмов бежит на длинных жеребячьих ногах к помещичьему дому. С мучительной болью старик воображал свою маленькую питомицу в беспечных руках Ричарда Кречетт-Лорнетта…

И все же тарантас благополучно добрался до места: дорога была одна и упиралась в станцию.

Адам натянул вожжи в тот самый миг, когда Аспид пытался на всем скаку ворваться в кассовый зал, и привязал их к заструге у конской поилки.

И тут же он сник, будто сухая былинка. Плечи обвисли, голова упала на грудь под гнетом навалившихся раздумий. Он был древесным стволом, жабой на камне, совой-пискухой на ветке. Все человеческое ушло из старика.

Некоторое время он размышлял, пребывая вне времени. Все оно сосредоточилось в яркой точке пространства и вращалось вокруг имен Эльфины и Ричарда Кречетт-Лорнетта. Надо полагать, оно все же шло (поскольку поезд прибыл, пассажиры вышли и разъехались), но только не для Адама.

Наконец его вернуло к реальности странное копошение на дне тарантаса.

Солому, лежавшую там последние двадцать пять лет, энергично сбрасывала на дорогу стройная ножка, обутая в прочную, но изящную туфельку. Кроме ножки, фонарь освещал только зеленую юбку, сильно колышущуюся от ее движений.

Послышался голос из темноты:

– Ужас какой!

– Э… – пробормотал Адам, подслеповато всматриваясь во тьму за кругом света от фонаря. – Не надо так, душенька. Эта солома была вполне хороша для мисс Юдифи, когда та ездила в свадебное путешествие в Брайтон, сгодится и сейчас. Что полова, что мякина, что лист, что плод, все мы там будем.

– Ну уж нет, ко мне это не относится, – заверил голос. – Я поверю во все, что говорят о Суссексе и «Кручине», но только не в то, что кузина Юдифь ездила в Брайтон. А теперь, если вы закончили размышлять, может быть, поедем? Мой чемодан доставят на ферму завтра почтовым фургоном. Хотя, – с ехидцей продолжал голос, – едва ли вам интересно, доставят мой чемодан, или он пустит здесь корни.

– Дочь Роберта Поста, – пробормотал Адам, глядя в лицо, смутно проступившее в темноте рядом с кругом света от фонаря. – Да, меня послали сюда за тобой, и я тебя не видел.

– Знаю, – ответила Флора.

– Дитя, дитя… – начал Адам и не договорил, сорвавшись на всхлип.

Флора, не дожидаясь продолжения, спросила, не хочет ли Адам, чтобы она правила лошадью, чем задела его мужскую гордость. Он отвязал вожжи от заструги, и тарантас без дальнейших проволочек двинулся вперед.

Флора одной рукой прижимала к горлу меховой воротник, защищаясь от вечернего холода, а другой придерживала на коленях сумку с ночной рубашкой и туалетными принадлежностями. Туда же она в последний миг под влиянием порыва сунула любимый томик «Мыслей» аббата Фосс-Мегре. Остальные книги должны были прибыть на ферму вместе с чемоданом, однако Флора чувствовала, что ей легче будет встретиться со Скоткраддерами правильно и культурно, если «Мысли» (лучшее руководство для культурного человека) будут у нее под рукой.

Другое, еще более великое сочинение аббата, «Высший здравый смысл», за которое он в двадцать пять лет получил докторскую степень в Парижском университете, лежало у нее в чемодане.

Флора думала о «Мыслях», пока тарантас, оставив позади Пивтаунские огни, взбирался по дороге, ведущей к невидимым холмам. В душе у нее скребли кошки. Она замерзла и чувствовала себя (хоть и не выглядела) помятой после долгой дороги. Ближайшие перспективы не радовали. На память пришел неутешительный совет аббата: «Не намечай встречу с противником на конец пути, если только это не конец *его* пути».

Адам за всю дорогу не проронил ни слова, что вполне устраивало Флору: с ним она собиралась разобраться позже. Ехали не так долго, как она опасалась, ибо Аспид оказался резвым жеребчиком и бежал резво (Флоре подумалось, что он живет у Скоткраддеров не так давно). Менее чем через час впереди показались огни.

– Это Воплинг? – спросила Флора.

– О да, дочь Роберта Поста.

На этом разговор заглох. Флора принялась гадать, о каких ее правах упоминала кузина Юдифь, кто отправил открытку со словами про аспидов и какое зло причинил муж Юдифи ее отцу, Роберту Посту.

Воплинг остался позади, и тарантас начал взбираться на холм.

– Мы почти приехали?

– Да, дочь Роберта Поста.

Через несколько минут Аспид остановился перед едва различимыми воротами. Адам стегнул его бичом, однако мерин не двинулся с места.

– Думаю, это конец дороги, – заметила Флора.

– Никогда так не говори.

– Буду говорить. Смотрите, еще немного, и мы въедем в изгородь.

– Все одно, дочь Роберта Поста.

– Для вас может быть, а для меня – нет. Я вылезу.

Спрыгнув на землю, Флора отыскала во тьме, подсвеченной лишь бледными зимними звездами, скользкую дорожку между двумя рядами живой изгороди, слишком узкую для тарантаса.

Адам, оставив Аспида у ворот, пошел за ней с фонарем.

Из мрака постепенно проступало здание. Когда Адам с Флорой приблизились, дверь внезапно приоткрылась и наружу хлынул свет. Адам испустил радостный возглас:

– Это хлев! Наша Неумеха открыла мне дверь!

И Флора увидела, что все так и есть: дверь хлева толкала носом тощая коровенка.

Особого оптимизма это у Флоры не вызвало.

Однако тут же глухой голос спросил: «Это ты, Адам?». В двери показалась женщина с фонарем и подняла его над головой, освещая новоприбывших. Флора смутно различала избыточно красную шаль и копну темных волос.

– Добрый вечер! – крикнула она. – Ты, наверное, моя кузина Юдифь? Спасибо, что вышла встретить меня в такой холод. И большое спасибо, что пригласила меня к себе. Мы ведь раньше не встречались?

Она протянула руку, однако Юдифь только выше подняла фонарь, пристально изучая ее лицо. Шли секунды. Флора подумала было, что у нее губная помада неправильного оттенка, потом сообразила, что причина молчания более серьезна. Флора чувствовала себя Колумбом под немигающим взглядом туземца. Первый раз представительница рода Скоткраддеров видела перед собой культурного человека.

Впрочем, такое созерцание в конце концов утомляет, утомило оно и Флору. Она спросила Юдифь, не сочтет ли та за невежливость, если знакомство с другими членами семьи отложат до завтра? Она предпочла бы поужинать у себя в комнате.

– Там холодно, – проговорила наконец Юдифь.

– О, камин быстро ее прогреет, – решительно ответила Флора. – Спасибо огромное за хлопоты.

– Мои сыновья, Сиф и Рувим… – Голос сорвался, однако Юдифь взяла себя в руки и закончила: – Мои сыновья ждут кузину, чтобы с ней познакомиться.

Все это вместе с пугающими именами чересчур напоминало выставку крупного рогатого скота, поэтому Флора только улыбнулась, сказала, что чрезвычайно тронута таким вниманием, однако предпочитает отложить встречу до завтра.

Юдифь пожала могучими плечами, так что ее объемистый бюст заколыхался.

– Как знаешь. Камин, наверное, чадит…

– Ничуть не сомневаюсь, – улыбнулась Флора. – Однако это можно будет поправить и завтра. Так что, идем. Но прежде… – открыв сумку, она достала карандаш и вырвала листок из записной книжки, – я попрошу Адама отправить телеграмму.

Ей удалось настоять на своем. Через полчаса она уже сидела у чадящего камина в своей комнате и задумчиво ела два вареных яйца. На них Флора остановила свой выбор, решив, что это будет самое безопасное; домашняя ветчина, а уж особенно поджаренная Адамом, могла бы повредить долгому сну, который Флора для себя наметила и к которому вскорости принялась готовиться.

Она так устала, что почти не обращала внимания на обстановку комнаты. Решение приехать сюда казалось все менее разумным. Флора вспоминала длинные запутанные коридоры, которыми вела ее кузина и подумала: если весь дом такой же и если Адам и Юдифь – типичные представители здешней публики, то превратить «Кручину» в культурное место будет непросто. Однако она возложила руку на плуг[13] и не собиралась озираться, зная, что в таком случае миссис Смайли скроит гримаску, которая у менее утонченной женщины означала бы: «Ну я же тебе говорила!»

И впрямь далеко на Маус-Плейс миссис Смайли в эту минуту с удовольствием читала телеграмму, гласившую: «ХУДШИЕ СТРАХИ ОПРАВДАЛИСЬ ДОРОГАЯ СИФ И РУВИМ БОТЫ ТОЖЕ ОТПРАВЬ».

[13] Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия (Лк. 9:62).

Глава 5

Проспать допоздна Флоре не удалось, поскольку ни свет ни заря у нее под окнами началась ожесточенная ссора.

Гневные мужские голоса доносились из-под покрова мертвой, угрюмой тьмы, нарушаемой далеким кукареканьем. Одного из говорящих Флора вроде бы узнала.

– Негоже, мастер Рувим, кусать руку, которая тебя холила и люлюила. Кто лучше меня знает нужды бессловесной скотины? Не для того я вскармливал нашу Невезуху, когда она была трех дней от роду и слепа, как курица. Я понимаю ее сердечко лучше, чем черные сердца иных людей.

– Да плевать! – кричал другой человек, голос его был Флоре не знаком. – Нескладеха потеряла ногу! Где она? Отвечай мне, безмозглый старикан! Кто теперь купит Нескладеху, когда я отведу ее на Пивтаунскую ярмарку? Кому нужна трехногая корова, кроме цирка уродов?

Тьму разорвал истерзанный вопль ужаса:

– Не отдавайте нашу Нескладеху в цирк, мастер Рувим! Я не переживу такого позора!

– Отдал бы, хоть в цирк, хоть куда, найдись на нее покупатель, да где ж его взять. Вечно одно и то же, ничего нашего люди не берут. Наша пшеница скукожилась от золотухи, клевер побило почесухой, а сено поразила парша, наши свиньи не родят, и все остальное так же. Где нога? Отвечай, где?

– Не знаю, мастер Рувим. А знал бы, не сказал. Мне ведомо, что на сердце у бессловесных скотов, и для этого незачем дни напролет следить, где они теряют свои ноги. Скотине, как и человеку, нужны одиночество и спокой. Я бы постыдился смотреть на коров, как вы, мастер Рувим, пересчитывать кажную былинку у них во рту да ждать наследства при живом отце.

– Да, – угрожающе вмешался еще один человек, – и пересчитывать каждое курячье перышко, чтобы никто его не поднял.

– А почему б и не пересчитывать? – заорал тот, к кому обращались «мастер Рувим». – Для того ли я плачу тебе деньги, Марк Скорби, чтобы ты собирал курьи перья, носил их в Пивтаун и продавал за звонкую монету?

– Не продавал я их. Чтоб мне больше не браться за плуг, ежели вру. Я их отношу моей Нэнси.

– Вот как? И зачем же?

– Мы все знаем зачем, – угрюмо отвечал третий голос.

– Да, помню, ты плел, будто она украшает ими кукольные шляпки. Будто добрые куриные перья ни на что больше не годны, кроме как на шляпки для бездельниц-кукол. Так вот, послушай меня, Марк Скорби…

Тут Флора поняла, что все равно точно не уснет, так что сердито вскочила с кровати и на ощупь добралась до серого прямоугольника окна. Она чуть шире открыла створки и закричала в темноту:

– Не могли бы вы разговаривать *чуточку* потише? Я была бы вам *чрезвычайно* признательна, поскольку *очень* хочу спать.

Ей ответила тишина, выразительная, как раскат грома. Даже в полусне Флора чувствовала, что это изумленное молчание. Она надеялась только, что изумление будет долгим и она сможет вновь провалиться в дрему. Так и вышло.

Когда Флора опять проснулась, уже окончательно рассвело. Она встала, старательно потянулась и взглянула на часы. Было половина девятого.

И двор, и старый дом были совершенно тихими, будто все, кто тут жил, умерли в одну ночь.

«Горячей воды, разумеется, не добыть», – думала Флора, обходя комнату в халате. Тем не менее ей удалось выдавить из рукомойника несколько капель (да, тут был настоящий металлический рукомойник), и оказалось, что вода – мягкая, а значит, можно умываться холодной. Стройный ряд фарфоровых скляночек и флакончиков на туалетном столе призван был защитить нежную кожу от суровости местного климата, но приятно было сознавать, что вода будет ее союзницей.

Одеваясь с приятной неторопливостью, Флора оглядела спальню и решила, что ей тут нравится.

Комната была квадратная, с необычно высоким потолком, оклеенная обоями с некогда ярким, а сейчас выцветшим багровым рисунком на красном фоне. Изящный камин венчался искусно вырезанной мраморной полкой, пожелтелой от времени и дыма; гнутая металлическая решетка выступала наружу. На полке лежали две большие раковины; в большом старом зеркале над камином отражались их плавные бело-розовые изгибы.

Другое зеркало, высокое, стояло в самом темном углу спальни и закрывалось дверцей буфета, когда тот бывал открыт. Оба зеркала отражали Флору без лести или наоборот, и она решила, что им можно доверять. Почему, гадала она, в наше время разучились делать зеркала? Старые – в захудалых провинциальных гостиницах и в домах у викторианских родственников – всегда бывали превосходны.

Одну стену почти целиком занимал платяной шкаф красного дерева; такой же круглый стол стоял на середине протертого красно-желтого ковра с орнаментом из крупных цветов. Кровать была высокая, тоже из красного дерева и покрыта белым ажурным покрывалом.

На стене висели две гравюры в желтых деревянных рамах: «Горе Андромахи при виде убитого Гектора» и «Пленение Зенобии, царицы Пальмиры»[14].

Флора перебрала книги, лежащие на широком подоконнике. Здесь были «Макария, или Жертвенный алтарь» А. Дж. Эванс-Уилсон, «Домашнее влияние» Грейс Агилар, «Любила ли она его?» Джеймса Гранта и «Как она его любила» Флоренс Мариэтт[15]. Она перепрятала эти сокровища в комод, предвкушая, как будет ими наслаждаться. Ей нравились викторианские романы – только их и можно читать, хрустя яблоком.

Шторы были великолепные – из тяжелого алого атласа, почти не пропускающие воздух и свет, – только уж очень грязные. Флора решила, что сегодня их надо постирать. Затем отправилась на первый этаж завтракать.

Она прошла по широкому коридору мимо грязных окон, закрытых пыльными тюлевыми шторами, к лестнице. Ниже в раскрытую дверь видно было помещение с каменным полом. Здесь Флора помедлила мгновение и увидела чуть дальше по коридору поднос с грязной посудой – явно после обильного завтрака. «Отлично, – подумала Флора. – Кому-то завтрак приносят в спальню, а раз так, могут приносить и мне».

Из глубин кухни плыл запах пригорелой овсянки. Он не обнадеживал, однако Флора все же спустилась, уверенно цокая по каменным ступеням низкими каблуками.

Сначала ей показалось, что в кухне никого нет. Камин почти погас, ветер носил по каменным плитам золу, а стол был заляпан остатками какого-то кушанья, в значительной мере состо-

---

[14] Обе картины сюжетами напоминают картины, гравюры с которых пользовались большой популярностью: «Скорбящую Андромаху» Жака-Луи Давида (1748–1825) и «Последний взгляд царицы Зенобии на Пальмиру» Герберта Густава Шмальца (1856–1938).

[15] В отличие от упомянуто ранее аббата Фосс-Мегре с его «Мыслями» все перечисленные авторы: Августа Дж. Эванс-Уилсон (1835–1909), Грейс Агилар (1816–1847), Джеймс Грант (1822–1887) и Флоренс Мариэтт (1833–1899) – вполне реальны, названия их книг приведены правильно за одним исключением: роман Ф. Мариэтт на самом деле называется «Как они его любили».

ящего из овсянки. Дверь во двор стояла нараспашку, и в нее тянуло сквозняком. Флора первым делом подошла и плотно ее закрыла.

– Эй! – донесся из дальнего конца кухни возмущенный голос. – Никогда так не делай, дочь Роберта Поста. Я не могу при закрытой двери одновременно щигрить миски и наблюдать за бессловесной скотиной в хлеву. И я еще кое за чем приглядываю.

Флора узнала один из голосов, потревоживших ее ни свет ни заря. Он принадлежал старому Адаму Мухинеобидиту. Он вяло резал брюкву над раковиной и на время оторвался от работы, чтобы выразить свое возмущение.

– Извините, – решительно ответила Флора, – но сквозняк мне мешает. Можете открыть дверь, как только я встану из-за стола. Кстати, тут есть чем позавтракать?

Адам прошаркал на свет. Его глаза в ветхих глазницах походили на осколки примитивного кремня. «Интересно, он хоть когда-нибудь моется?» – подумала она.

– Есть овсянка, дочь Роберта Поста.

– А есть хлеб, масло и чай? Я не очень люблю овсянку. И не найдется ли куска чистой газеты – постелить на угол стола? Хватит и половины листа. А то я боюсь испачкаться в овсянке. Она сегодня, кажется, немного расплескалась.

– Чай в кувшине, вон там, хлеб и масло в крокетнике. Тебе придется искать их самой, дочь Роберта Поста. У меня своих забот полон рот, не хватало еще бегать за газетами для городской крали. Нам в «Кручине» и так худо без того, чтобы носить сюда газеты, от которых одни страхи да огорчения.

– А от чего вам худо? – заинтересованно спросила Флора, заваривая себе свежий чай. Ей подумалось, что это хорошая возможность узнать что-нибудь о других членах семьи. – Денег мало?

Она знала, что почти все люди старше двадцати пяти лет испытывают финансовые затруднения.

– Денег-то на ферме хватает, дочь Роберта Поста, да только все обращается в горе и тоску. Вот что я скажу… – Адам подошел к Флоре и приблизил свое лицо – морщинистое, сплошь изъеденное монотонным течением унылых и беспросветных лет – к ее юному личику, – …на «Кручине» лежит проклятие!

– Вот как? – Флора немножко отодвинулась. – Что за проклятие? Это из-за него вы все тут так заросли грязью?

– Ничем мы не заросли, дочь Роберта Поста, об чем я тебе и говорю. Ничего у нас не растет. Земля не родит, коровы нестельные, свиньи некудельные, золотуха, парша и почесуха губят наши посевы. А почему? Потому что на нас лежит проклятие, дочь Роберта Поста.

– А нельзя что-нибудь с этим поделать? Скажем, кузен Амос мог бы выписать специалиста из Лондона… А хлеб вполне ничего. Вы ведь не сами его печете, да?.. Или продать ферму и купить другую, не проклятую, в Беркшире или Девоншире?

Взгляд его на миг затуманился, словно у черепахи, когда та впадает в транс.

– Нет. Скоткраддеры живут в «Кручине», сколько она стоит. Никому из нас отсюда не выбраться. Миссис Скоткраддер не позволит. Для нее ферма – жизнь, кровь ее жил.

– Вы о моей кузине Юдифь? Мне не показалось, что она тут очень счастлива.

– Нет, дочь Роберта Поста. Я про хозяйку – старую миссис Скоткраддер.

Адам перешел на шепот, и Флора должна была нагнуться, чтобы разобрать последние слова.

Он посмотрел наверх, словно давая понять, что миссис Скоткраддер на небесах.

– Так она умерла? – спросила Флора, готовая поверить во что угодно, даже в то, что фермой управляет с того света призрак-самодур.

Адам рассмеялся. Странный то был звук – словно хмыкающее фырканье рассерженной ворсянки.

– Нет. Жива-живехонька. Ее рука лежит на нас, как чугунный спуд. Однако она никогда не выходит из своей комнаты и не впускает туда никого, кроме мисс Юдифи. Она не покидала ферму уже двадцать лет.

Он внезапно умолк и попятился в темный угол кухни, как будто испугался, что наговорил лишнего.

– А теперь я должен щигрить плошки. Дай мне спокой, дочь Роберта Поста.

– Хорошо, хорошо. Только лучше бы вы называли меня «мисс Пост». Или даже «мисс Флора», если вам больше по душе такая патриархальность. «Дочь Роберта Поста» немного длинновато, вам не кажется?

– Дай мне спокой. Я должен щигрить плошки.

Поняв, что старик твердо намерен заняться какой-то домашней работой, Флора отстала от него и сосредоточилась на завтраке.

Теперь она видела, как обстоят дела: миссис Скоткраддер – проклятие «Кручины», мотив властной бабушки, характерный для романов из сельской жизни (и для некоторых романов из городской). Ничего удивительного, что ферма принадлежит миссис Скоткраддер – Флоре следовало с самого начала догадаться о присутствии такого персонажа. Вероятно, именно миссис Скоткраддер, она же тетя Ада Мрак, и отправила ей открытку про аспидов. Флора не сомневалась, что старая хозяйка и есть тетя Ада, поскольку открытка была вполне в тетином характере. Флора почти слышала, как ее мать произносит: «Узнаю Аду».

Если она хочет привнести в «Кручину» мир, то на каждом шагу будет сталкиваться с тетушкиным противодействием – тут у Флоры сомнений не было. Люди такого склада не выносят мира. Им по душе бури и ураганы: скандалы, хлопанье дверей, сведенные брови, белые от ярости лица, ходящие желваки, взаимные претензии за едой и бесконечные поводы упиваться злобой, обливать презрением, лезть в чужие дела, подслушивать, подглядывать, а главное – устраивать чужую жизнь по своему усмотрению. О да, для них нет ничего слаще! Такой человек растопчет твой любимый кляссер с марками, а потом до конца дней будет заглаживать свою вину, хотя ты бы предпочел просто сохранить кляссер.

Флора подумала про «Высший здравый смысл» аббата Фосс-Мегре – философский трактат, написанный с целью не объяснить вселенную, а примирить человека с ее необъяснимостью. Однако, несмотря на такой общий замысел, «Высший здравый смысл» был для культурного человека лучшим подспорьем в отношениях с такими, как тетя Ада. Не предлагая конкретных правил, трактат определял философию Человека Культурного, из которой эти правила следовали сами собой. В тех же случаях, о которых молчал «Высший здравый смысл», помощь можно было сыскать в «Мыслях» того же автора.

С таким мудрым руководством запутаться никак невозможно.

Флора решила, прежде чем встретиться с тетей Адой, укрепить свой дух чтением «Высшего здравого смысла», а именно знаменитой главы «О сугубой подготовке ума к непоименованным выше обстоятельствам, требующим купно осмотрительности и дерзновения». Скорее всего времени хватит только на страницу-другую, поскольку читать трактат нелегко – он написан частью на латыни, частью на немецком. Однако Флора чувствовала, что дело серьезное и без «Высшего здравого смысла» тут не обойтись. «Мысли» хороши, когда нужно противостоять обычным житейским неурядицам; для борьбы с тетей Адой, проклятием фермы «Кручина», требовалось оружие помощнее.

Доедая хлеб с маслом, Флора думала, чем вообще будет здесь питаться: по всему выходило, что готовит тут Адам, а его стряпню она есть не собиралась. Наверное, придется отыскать кузину Юдифь и серьезно с ней поговорить.

В целом «Кручина» пока не обманула ожиданий: все здесь обещало загадки и приключения, а тетя Ада – в первую очередь. Флора жалела только, что с нею нет Чарлза, большого любителя всего мрачного и загадочного.

Адам тем временем закончил резать брюкву, вышел во двор, где рос куст терна, и вернулся с длинной шипастой веткой. Затем он пустил на миски струю холодной воды и принялся тыкать веткой в приставшую к ним овсянку.

Флора долго наблюдала за ним, с трудом веря своим глазам, и наконец спросила:

– Что вы такое делаете?

– Щигрю плошки, дочь Роберта Поста.

– А не проще ли было бы делать это щеткой? Маленькой щеткой с ручкой? Пусть кузина Юдифь вам такую купит. Попросите ее. И посуда станет чище, и времени у вас будет уходить меньше.

– Не нужна мне маленькая щетка с ручкой. Пятьдесят годков терновая веточка служит мне верой и правдой, а от добра добра не ищут. И щигрить посуду быстрее мне тоже без надобности. Так я коротаю время и отвлекаюсь от дум о моей дикой пташке.

Флора вспомнила спор, разбудивший ее на заре, и решила пойти на хитрость:

– Будь у вас щетка, чтобы мыть посуду быстрее, вы могли бы больше времени проводить в хлеву с бессловесной скотиной.

Адам замер. Раз или два он задумчиво кивнул, не оборачиваясь. Флора поняла, что ее слова достигли цели, и поспешила закрепить успех:

– В общем, я вам ее куплю, когда буду завтра в Пивтауне.

Тут в закрытую дверь, ведущую во двор, легонько постучали. Через секунду стук повторился. Адам прошаркал к входу, бормоча: «Кралечка моя», и широко распахнул дверь.

Кто-то в длинном зеленом плаще вихрем пронесся через кухню и взбежал по лестнице так быстро, что Флора не успела его разглядеть.

– Кто это был? – спросила она, поднимая бровь, хотя уже угадала ответ.

– Моя тетешка… моя маленькая Эльфина, – сказал Адам, рассеянно поднимая терновую ветку, которую уронил в галган с овсянкой.

– Она всегда так носится? – холодно полюбопытствовала Флора; ей подумалось, что родственница ведет себя не слишком вежливо.

– Да. Она дикая и робкая, как лесная фифея. Целыми днями бродит в холмах, где все ее друзья – дикие пташки, кролики да белобокие сороки… И ночами тоже… – Лицо его омрачилось. – Да, бродит вдали от тех, кто тетешкал ее на груди, когда она была нюнечкой. Она разобьет мое сердце на мелкие крупиночки.

– А в школу она ходит? – спросила Флора, брезгливо изучая буфет в поисках тряпки, которой можно было бы обтереть туфли. – Сколько ей лет?

– Семнадцать. Какая уж школа для моей кралечки? Нет, дочь Роберта Поста, не произноси таких слов. Легче отправить в школу белый барабышник или желтый одуванишко, чем мою Эльфину. Она учится у неба да у диких болотных паичек, а не по книжкам.

– Фи, как скучно, – заметила Флора, остро чувствуя свое одиночество и смутное раздражение. – Послушайте, а где вообще все? Я собираюсь на прогулку, но хочу прежде увидеть кузину Юдифь.

– Мастер Амос с работниками вычерпывает воду из колодца, ищет соседскую Полли, она вроде туда упала. Мастер Рувим на Крапивном поле, пашет. Мастер Сиф где-нибудь в Воплинге, кохопутит. Мисс Юдифь у себя наверху раскладывает карты.

– Тогда я к ней поднимусь. А что значит «кохопутить»? Нет, не говорите, я догадалась. В какое время ленч?

– Работники обедают в двенадцать. Мы – часом позже.

– Тогда я приду в час. А… обед тоже… также… я хотела сказать: кто его готовит?

– Мисс Юдифь. А ты, значит, боялась, что его готовлю я? Да, дочь Роберта Поста? Пусть твое черное сердце успокоится: никогда такого не бывало, чтобы я Скоткраддерам сварил хоть свиную застригу. Я стряпаю работникам, больше никому.

Флора покраснела от того, как точно старик прочел ее мысли, и поспешила наверх, прочь от его немой укоризны. Однако известие насчет готовки ее успокоило: по крайней мере голодная смерть ей не грозит.

Она не знала, где комната Юдифи, но сыскала проводника, вернее, проводницу. Когда Флора поднялась по лестнице, навстречу ей выбежала высокая девушка в зеленом плаще, та самая, что недавно вихрем пронеслась через кухню. При виде Флоры девушка замерла, готовая в любую секунду умчаться прочь. «Строит из себя вспугнутую птичку», – подумала Флора, любезно улыбаясь родственнице, вернее, капюшону, до половины скрывающему ее лицо.

– Что тебе нужно? – сдавленно прошептала Эльфина.

– Отыскать комнату кузины Юдифи, – ответила Флора. – Будь другом, проводи меня, пожалуйста. В таком большом незнакомом доме легко заблудиться.

Из-под зеленого домотканого капюшона на нее глянули огромные голубые глаза. Флора мысленно отметила, что глаза красивые, а вот оттенок зеленого – нет.

Она сказала самым убедительным тоном:

– Извини, что я так говорю, но тебе бы очень пошло голубое. Некоторые оттенки зеленого, конечно, приятны для глаза, однако бледно-зеленый, на мой взгляд, утомителен. На твоем месте я бы носила голубое – что-нибудь очень простое, очень хорошо скроенное, но непременно голубое. Вот попробуй и увидишь.

Эльфина сделала резкое мальчишеское движение и бросила:

– Иди за мной.

Она широким, пружинистым шагом двинулась по коридору. Капюшон упал, обнажив густую массу спутанных волос, которые, если их помыть и расчесать, могли бы называться золотыми. Флора смотрела в спину родственницы и огорчалась.

– Вот, – коротко проговорила Эльфина, останавливаясь перед закрытой дверью.

Флора выразила самую горячую признательность, и Эльфина, задержав на ее лице долгий взгляд, умчалась прочь.

«Ею надо заняться немедленно, – подумала Флора. – Еще год, и уже ничего не исправишь: если она отсюда и выберется, то будет держать чайную комнату в Брайтоне и ходить в артистических балахонах и сандалиях».

Она тихонько вздохнула при мысли о том, за какую трудную задачу взялась, и негромко постучала в дверь.

– Входи, – глухо донеслось из комнаты.

Двести фотографий Сифа в возрасте от шести недель до двадцати четырех лет украшали спальню Юдифи. Сама хозяйка в грязном красном халате сидела у окна; на столе перед ней лежала засаленная колода карт. Постель была не убрана. Нечесаные волосы клубком безжизненных черных змей падали на лицо.

– Доброе утро, – сказала Флора. – Извини, если я мешаю тебе писать письма. Я лишь хотела узнать, как будет лучше: заходить мне к тебе в это время каждое утро или развлекать себя, как я сочту нужным. На мой взгляд, удобнее, когда гостья сама ищет, как ей провести время. Наверняка ты очень занята, и тебе некогда за мной приглядывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.